

Андрей Посняков

К
О
Н
С
Т
А
Н
Т
И
Н
С
К
И
Й
П
О
С
Н
Я
К
О
В

Потом
и кровью

Кондотьер

Андрей Посняков

Потом и кровью

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Потом и кровью / А. А. Посняков — «АСТ»,
2017 — (Кондотьер)

ISBN 978-5-17-103354-5

В Москве при странных обстоятельствах погиб сын Ивана Грозного, царевич Иван Молодой. Через пару месяцев по всей Ливонии и Речи Посполитой проносится череда циничных и необъяснимых убийств. Безжалостная тень неведомого убийцы нависла над королем Магнусом Ливонским и его семьей! В это же время резко обострилась борьба за вакантный польский трон. Выставил свою кандидатуру и Магнус – наш современник Леонид Арцыбашев, угодивший в прошлое по глупой случайности, но теперь вовсе не желающий покидать это страшное и такое притягательное время. Здесь у него семья, корона... и целое сонмище врагов, включая могущественного Семиградского князя Стефана Батория с его покровителем – турецким султаном Мурадом, и шведского короля. Между тем велением царя Ивана воевода князь Федор Мстиславский силой увез в Москву юную королеву Марию...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103354-5

© Посняков А. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Анатольевич Посняков
Потом и кровью
Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Андрей Посняков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Лето 1575 г.

Ливония

С моря дул ветер. Скидывал с редких прохожих шляпы, срывал плащи, швырял в лица холодные дождевые капли. Сизые волны, словно живые хищные существа, вгрызались в причалы, истекая грязно-белой пеной и жадно шипя. Жалобно скрипя мачтами, покачивались стоявшие у причалов пузатые торговые корабли – когти.

На башнях Нарвского замка трепетали выцветшие за лето стяги. Стражники в железных касках, ежась от промозглого ветра, отворачивались от моря да бросали завистливые взгляды на портовые кабаки. В такую мерзопакостную погоду закатиться в таверну – милое дело! Опробовать кружку-другую пива, а лучше пунша, да обнять-облапать какую-нибудь пышнотелую гулящую молодку... Впрочем, некоторых все же больше привлекала церковь: забавные проповеди лютеранского пастора отца Амброзиуса Вейнера давно веселили как горожан, так и приезжих. Пастор Амброзиус отнюдь не стеснялся критиковать мирские власти за бюрократизм и косность, делая это искренне и от всей души.

Вечерело, и многие, махнув рукой на ветер и дождь, поспешали в небольшую каменную церквушку, расположившуюся невдалеке от ратушной площади. Именно там и читал свои проповеди достойнейший и славный пастор, именно там уже начинал распеваться хор мальчиков, дирижировал коим лично отец Амброзиус, и горожане с большим удовольствием слушали не только проповеди, но и псалмы.

Если б поспешающий в церковь прохожий свернул бы чуть раньше, то, пройдя с полсотни шагов по узенькой улочке Медников, очутился бы как раз напротив аптеки, принадлежавшей почтенному нарвскому бюргеру – герру Николаусу Фельде. Этой аптекой владел и ныне покойный батюшка герра Фельде, и его дед, и прадед. Старое, но любовно подновляемое каждый год здание лучилось седой стариной, еще помнившей славную эпоху крестовых походов. Обычный трехэтажный дом с узким фасадом и затейливой каменной кладкой украшала висевшая прямо над дверью вывеска с латинской надписью «Аптека» и изображение трех каких-то святых – за давностью лет никто уж и не помнил, каких именно, и даже сам герр Николаус этого не знал.

Достойнейший аптекарь был уже далеко не молод, сед, как лунь, что, впрочем, вовсе не мешало ему проворно двигаться и лично толочь в ступке лекарства. Однако же годы брали свое, и господин Фельде взял в помощники дальнего родственника – троюродного племянника, юркого подростка по имени Гейнц. Худой, узколицый, с карими хитроватыми глазами и копной спутанных темно-русых волос, Гейнц оказался неплохим помощником, правда, несколько ленивым, за что сам хозяин – добрейшей души человек – частенько его бивал. Вот и сейчас...

– Эй, Гейнц! Да где же ты, ленивый мальчишка? – убрав с прилавка микстуры, аптекарь подошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Именно там готовились все лекарства и хранились нужные для этого дела вещи: ступки, тигли, толстостенные стеклянные пузырьки и все такое прочее. Все шкафы были забиты сушеными травами, настойками, толчеными кореньями и разного рода лекарственными веществами типа высушенных жаб, топленого барсучьего жира и сулемы – ртутного препарата, предназначавшегося для лечения тех нехороших болезней, что иногда заводятся у склонных к продажной любви повес. В этом смысле аптека господина Фельде славилась далеко за пределами Нарвы. Многие покупали лекарства, многие вылечивались, ну, а тех, кто не вылечивался, прибирал к себе бог.

– Гейнц, чертов бродяга! Да ты отзовешься, наконец, или нет?

– Да, дядюшка Николаус? – лохматая голова ученика свесилась вниз, узкое личико быстро приняло самый невинный и добропорядочный вид. – Я только что растолок в ступке сушеный корень айра, как вы велели.

– Я два дня назад велел его растолочь! – рассердился аптекарь. – А ты только что справился!

– Так не успел же, дядюшка, – мальчишка хлопнул глазами. – Вы ж сами меня послали к господину шкиперу, а потом еще – и к стекольщику, и на рынок.

– Не успел он, – махнув рукой, герр Николаус уселся в старое протертое кресло и, поежившись, приказал Гейнцу затопить камин. Хворост, слава Господу, в аптеке имелся – ученик притащил вчера с рынка целую вязанку.

– Ох, и лето же нынче выдалось, прости, господи, – вытянув ноги, проворчал аптекарь. – Иная зима лучше, чем это лето. Все дожди, дожди, дожди...

– И не говорите, дядюшка... Так что, закрываемся?

Герр Фельде пригладил бородку ладонью и важно кивнул:

– А пожалуй, что и да. Все одно – никто в такую погоду не припрется.

– Но могут послать слуг, – растапливая камин, резонно возразил подросток.

– Пришлют – откроешь. – Аптекарь снова поежился и, заметив мелькнувшую за окном тень, приподнялся в кресле. – Похоже, ты оказался прав, бездельник. Кто-то действительно послал слугу.

– Может, еще и мимо...

Оба затихли, слушая, как стучат по крыльцу чьи-то шаги. Звякнул привязанный на дверном косяке колокольчик.

– Входите, входите! Не заперто.

По знаку хозяина Гейнц поспешно метнулся к дверям – встречать посетителя.

– Ах, милости просим, уважаемый господин! Очень, очень рады вас видеть. В нашей аптеке вы, несомненно, отыщете лекарства от любых болезней!

Посетитель принес с собой дождь. Крупные капли стекали с его длинного, вымокшего насквозь плаща и матросской кожаной шапки, надвинутой на самые глаза, падали на башмаки, застревали блестящими бусинками в темной кудлатой бороде. Собственно, одну эту бороду и было видно, да еще глаза – темные, глубоко посаженные, злые. Судя по одежде, это был не простой матрос, а тот, кто привык к беспрекословному подчинению – боцман, а то и шкипер. Даже, может быть, и сам капитан!

– Вы, верно, с того бременского судна...

– С того, – гулко перебил моряк. – Меня мучает лихорадка. Срочно нужно лекарство. Сказали, у вас можно найти.

– О, конечно же! – поднимаясь на ноги, герр Николаус радостно потер руки. – Какое угодно. Я бы посоветовал вам...

– Не надо советовать, – посетитель, похоже, был из тех, кто предпочитает не болтать, а действовать. – Несите, что есть. И не беспокойтесь – я заплачу щедро.

– Я лично подберу все для вас, уважаемый! – ступеньки узенькой лестницы заскрипели под ногами дядюшки Николауса Фельде. Гейнц же вновь занялся камином – так ведь еще и не разжег.

– Вы, что же, одни живете? – проводив глазами аптекаря, быстро поинтересовался моряк.

– Одни, – подросток обернулся... и не успел даже охнуть – кинжал моряка с силой вонзился ему в сердце. Паренек лишь округлил в изумлении глаза да тихо осел на пол, придерживаемый сильной рукой убийцы.

Управившись со слугой, злодей затаился у лестницы.

– Ну, вот и я! Ой...

Снова удар, столь же резкий, умелый, и еще один труп.

Вытерев кинжал об одежду только что убитого мальчишки, моряк – или кто он там был? – поспешно покинул аптеку, ничего с собою не взяв. Не прихватил ни лекарства, ни денег, даже не стал обыскивать дом. Просто пришел – и убил. Без всяких эмоций и лишних слов. Словно выполнил свою работу, честно и быстро. Выполнил – и ушел, растаял в дождливой дымке надвигавшейся ночи.

* * *

Золотисто-зеленый ливонский флаг, тяжелый и мокрый, уныло повис над башней королевского замка Оберпален, называемого местными эстами Пылтсамаа. Уже третий день, почти не переставая, молотил дождь, нагоняя в сердца обывателей унылую скуку и хмарь. Дождь... Такое уж выдалось лето. Горожане развлекали себя как могли: богатых бюргеров не брезговал привечать сам король, люди попроще проводили время в тавернах или ходили друг к другу в гости. Впрочем, все уже всем надоело – Оберпален, хоть и столица, а все же невелик город, всего-то три тысячи населения. Правда, есть еще и соседние городки да замки – час-два пути, а то и меньше. Да только вот – дождь, в такую мерзкую погоду трястись в повозке или в седле кому охота?

– Эй, эй, осторожней там! – круглолицый толстяк, хозяин зеркальной мастерской герр Анджей Вандзее, искоса глянув в узенькое оконце, прикрикнул на подмастерьев. – Боже вас упаси хоть одно стеклышко разбить. До конца дней своих не расплатитесь!

Подмастерья – Ян и недавно нанятый Йорм – угрюмо засопели. Что и говорить, и покричать герр хозяин любил, и тумачков отвесить. Ладно бы за дело, а то ведь просто так! Ну вот зачем под руку-то орать? Вернее, под ногу? Ведь только что взяли ящик со стеклом, подняли, понесли... так Йорм от крика споткнулся! Хорошо еще, не упал, выправился, а ведь мог бы... Кто б тогда за стекло разбитое отвечал? Подмастерья?

Угрюмо сопя, парни все же отволокли тяжелый ящик в угол, поближе к тиглям и чану, в котором плавилась амальгама. Муторное это дело – наносить на стекло зеркальный слой, да и для здоровья вредное. Однако ж оплачиваемое, чего уж говорить, одно плоское зеркало как добрый конь стоило, и это еще не самого большого размера! Для богатых людей такие зеркала делали, для самого его величества короля Магнуса, для королевских фрейлин, для купцов богатейших. Не всякий барон, не говоря уже о рыцарях, мог себе зеркало стеклянное позволить!

– Пошевеливайтесь давайте уже! – подгонял зеркальщик, спешил. Дома у него, что здесь же, с мастерской рядом, уже собирались гости. Сам помощник ратмана обещался прийти – все ж таки дальний родич. Интересно, и в самом деле придет? Придет, придет, никуда не денется, зря, что ли, ему зеркало в золоченой раме подарено? Придет – так это честь великая! Все соседи позеленеют от зависти, а Йогашка Кунст, ювелир, так и вообще – зачахнет. Еще бы: к нему-то такие люди не ходят!

Почесав выбритый подбородок, герр Анджей приосанился. Думать о предстоящем визите столь важного лица было приятно. И еще приятнее – представлять реакцию соседей. Как они в окна выглядывают, недоверчиво шуртятся, как ругаются от зависти, плюются даже! Эх, скорей бы...

Можно было, конечно, в мастерской еще с часик пообретаться. Присмотреть за всем приметливым хозяйским глазом. Проследить, чтоб эти бездельники молодые, Ян с Йормом, как следует все котлы вычистили. Чтоб на завтра работу приготовили... хотя нет – завтра ж воскресенье, работать грех, да и цеховой устав запрещает. Правда, сам король Магнус цеховые уставы не жалует и «деловую инициативу» поощряет. «Деловая инициатива» – это королевские слова, означают они вящее к работе усердие. Усердие не к простой работе, а к заведению

разных мастерских, мануфактур, к торговлишке. Это, по словам славного Магнуса, первейшее для всей Ливонии дело! Повезло Ливонии с королем, грех жаловаться. Хоть и считается он вассалом московитского царя Иоганна, а все по-своему делает, как для торговли, для хозяйства всего наилучше.

– Ой ля-ля, ой ля-ля, нету лучше короля... – уходя из мастерской, вполголоса затянул Анджей. Ну, да, ушел сегодня пораньше, потому как – ратман! Хоть и рядом дом – вот он, – а на сердце все ж беспокойно. Как там подмастерья, управятся ли без хозяйского пригляду, не натворят ли дурных дел? Молодые еще, дурь в головах сидит. Глаз да глаз!

Ой ля-ля, ой ля-ля...

– Ну, слава богу, ушел! – облегченно переведя дух, один из пареньков, Йорм, уселся на старый бочонок. – Может, перекусим вначале, а, Яан? А уж потом все чаны вычистим.

– Нет, – Яан угрюмо покачал головой. – Сначала работа, потом еда. Да чаны остынут – чистить хуже. Давай-ка возьмемся, ага...

– Как скажешь, – пожав плечами, Йорм снял с полки щетку и тяжело вздохнул. Работы на вечер осталось много – с избытком. Почтеннейший мастер Анджей Вандзее своих подмастерьев в праздности не держал.

Яан и недавно нанятый Йорм были чем-то похожи – оба худые, шуплые, узколицы, у обоих волосы длинные, копной. Только у Яана потемней, у Йорма же – посветлее. И глаза у Яана светлые, и карие – у Йорма. А так похожи, словно родные братья, ага.

– Ох, и чан, – орудуя щеткой, пожаловался Йорм. – Ох, и грязный же.

– Чисти, чисти, – Яан оглянулся и хмыкнул. – Думаешь, у меня лучше? Ага!

Тут оба подростка вздрогнули. Кто-то стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел, вернее сказать – вошли. Трое мужчин, судя по всему – хозяин и слуги. Все трое в длинных мокрых плащах, в шапках матросских. На пол капли дождевые стекают – кап-кап...

– А где мастер ваш? – главный – осанистый, высокий, сильный – зыркнул вокруг темными цыганистыми глазами.

– Так он это... дома уже. Позвать?

– А вы, стало быть, вдвоем остались?

– Вдвоем, ага...

* * *

Старый барон метался во сне. Хотя это вряд ли можно было бы назвать полноценным сном, скорее так, забытье, кошмары. Доблестный рыцарь Фридрих фон дер Гольц всегда надеялся встретить смерть в седле – от вражеского меча, копья или пули. В седле! Когда ветер в лицо, когда вокруг – удалая битва, и звон оружия, гром пушек, утробные звуки боевой трубы! Тогда и смерть красна, особенно если она – внезапна.

Ангелы-покровители берегли барона: дожив почти до старости – до пятидесяти с лишним лет – Фридрих выглядел довольно сносно и ничем серьезными никогда не болел, даже злодейка чума – черная смерть, совсем недавно выкосившая почти треть Ливонии – обошла его стороною.

Нынче же дела были откровенно плохи. Простудившись на охоте, фон дер Гольц, скорее всего, подхватил и еще какую-то заразную хворь, и за три дня превратился из цветущего молодежового мужчины в развалину. Светлые глаза славного рыцаря пожелтели, породистый, с едва заметной горбинкой, нос заострился, словно клюв хищной птицы, тонкие губы кривились от боли и немощи, мускулистые, привыкшие к мечу, руки бессильно свисали с ложа, а грудь сотрясал кашель.

Вызванный из Оберпалена лекарь ничего не мог поделывать, как и местные деревенские знахари. Не помогали ни настойки, ни растирания, ни молитвы – ничего, даже паровая баня. Больному становилось все хуже, старый Фридрих просто таял на глазах и приходил в сознание все реже и реже.

У ложа его остались лишь двое верных слуг, юную же свою супругу Александру барон в минуты просветления приказал не впускать в опочивальню, опасаясь, что и она может подхватить заразу. Правда, лекарь сказал, что терзавшая рыцаря болезнь вовсе не чума... но кто знает, может, и она распространяется точно так же?

– Пить... – в очередной раз глаза фон дер Гольца открылись. – Пить... пить... Скажите жене... там... там шкатулка... Теперь – духовника! Живо!

– Да, но, господин...

– Я сказал – живо! Жи...

Взметнувшая было длань барона бессильно повисла, из горла хлынула кровь.

Опочивальня тут же заполнилась слугами. Впрочем, юная баронесса быстро прогнала всех! Очаровательная даже в черном траурном платье со спрятанными под вуалью темно-рыжими прядями, Александра фон дер Гольц быстро навела порядок и, поплакав о безвременно ушедшем супруге, лично занялась похоронами. Жемчужно-серые глаза юной баронессы холодно смотрели на слуг, приказы отличались законченностью и лаконичностью:

– Отправьте весть дочери Фридриха, всем его вассалам, королю. Подготовьте место в семейном склепе. Разменяйте два талера на мелкое серебро – для раздачи крестьянам.

– Вы хотели сказать – нищим, госпожа?

– Нет, именно крестьянам. Никаких нищих чтоб и близко здесь не было. Сами знаете, Фридрих их терпеть не мог. Исполняйте.

– Да, госпожа. Барон упоминал о какой-то шкатулке...

– Я знаю. Там завещание. Огласим на похоронах.

Все же она уважала барона. Но не любила, нет. Юная красавица и пятидесятилетний старик – какая уж тут любовь! Однако же в те времена так и было принято, выйти замуж по любви редко кому удавалось. Почти никогда. Не избежала общей участи и Александра фон дер Гольц, баронесса и хозяйка угодий и хуторов. Особа, находящаяся под особым покровительством королевской четы и... и – бывшая гулящая девка из Новгорода, Аграфена-Сашка. Эх, знал бы старый барон о ее бурном прошлом! Впрочем, что там барон, не прознали б его чертовы родичи! Впрочем, не должны бы прознать – не от кого! Славный король Магнус им вряд ли расскажет, тем более Сашка была абсолютно уверена в своих давних друзьях, с которыми промышляла еще в Новгороде в одной шайке. До тех самых пор, пока не познакомилась с королем...

* * *

В Оберпаленском замке с утра топили камин. Помогало плохо – дожди шли давно, да и особого тепла этим летом так и не дождалось, разве что в самом начале июня. Правда, еще оставалась надежда на конец августа и сентябрь – на золотую осень, на бабье лето, кому как нравится. Убрать урожай, посадить озимые, заготовить грибов и ягод. Ну, и охота – как же без этого?

Глянув через узкое – бойницей – окно на хмурое небо, король покачал головой. Неужто вот так вот дождит и будет? Что ж, для Ливонии сие не редкость: море-то рядом, да и вообще страна северная – не Италия, не Франция даже. Хотя по большому счету тепло, опять же из-за моря, но зимы – суровые, со снегом, с сугробами. Впрочем, и во Франции нынче зимы –

с сугробами, и в Амстердаме замерзают каналы – народ на коньках катается. Потому как, по сравнению со средневековьем, похолодало. Малый ледниковый период.

Все это славный ливонский король прекрасно знал и в мировой истории разбирался неплохо, да и кое в чем еще. Ибо звали его вовсе не Магнус, а Леонид Федорович Арцыбашев. И родился он ни в каком не в шестнадцатом, а в конце двадцатого века. Бывший театральный режиссер, Леня перебрался из провинции в Москву и занялся антиквариатом. Очень даже удачно занялся, если не считать того, что, всерьез увлекшись подземельям Кремля, в один прекрасный день выбрался из подвала – в прошлое! Как раз в шестнадцатый век, в то самое время, когда гостил у государя Ивана Грозного датский принц Магнус... похожий на Леонида как две капли воды! Истинный Магнус тогда бросился в подвал и, верно, очутился в будущем. Увы, скорее всего – в психушке. У самого же Арцыбашева хватило ума выдать себя за принца. И получить благоволения Ивана Грозного. А кроме благоволения, еще и денег, и войско, и молодую жену – царевну Марию Старицкую, милую и дорогую Машу, с полгода назад подарившую Леониду-Магнусу сына Владимира, названного так в честь Машенькиного батюшки – князя Владимира Старицкого, казненного царем по злым наветам. Наветы, как сильно подозревал Леня, были не такими уж и напрасными – участвовал Владимир-князь в заговорах, участвовал, и не в одном, и не в двух даже. За что и поплатился, а с год назад едва не сгнули по злобной царской воле и сама Маша, и Магнус. Осерчал царь-батюшка, что уж поделать, тиран – он тиран и есть. Правда, нынче Иван Васильевич вновь выказывал королевской чете полное свое расположение – дела-то в Ливонии шли очень даже ничего, бил и поляков, и шведов, а Магнус, как ни крути, все же считался верным вассалом Ивана. Правда, не очень послушным и не таким уж и верным. Тем не менее для Ливонии поддержка Грозного царя значила пока очень многое, и Магнус старался сохранять статус-кво в общении с могущественным московским государем.

Ливонская война шла уже довольно вяло, Ревель по-прежнему находился под шведами, Рига же отдалась под власть польского короля, или лучше сказать – сейма, ибо нынче не стало в Речи Посполитой законно избранного монарха, такая вот вышла закавыка. Бывший ее государь, принц Генрих Анжуйский, сбежал, как только услышал про освободившийся французский трон, и с тех пор вот уже год престол Речи Посполитой оставался вакантным, и кого только на него ни прочили, включая Ивана Грозного, шведского короля и австрийского кесаря Максимилиана! Кроме державных властителей имелись и кандидатуры рангом помельче – всякие там коронные гетманы или сандомирский воевода Ян Костка, прославившийся строительством польского флота и воинскими доблестями под испанским стягом.

Услыхав чьи-то легкие шаги, король обернулся. Задумчивое лицо его тотчас же озарилось самой сердечной улыбкой: еще бы, ведь в двери вошла королева Мария, любимая и родная Маша! Редкостная красавица, Мария сильно напоминала Леониду Алису из знаменитого фильма «Гостья из будущего». Арцыбашев так иногда и кликал супругу – «гостья из прошлого», Маша не обижалась, ибо кое-где уже побывала, сталкивалась с советской милицией и даже прокатилась на мотоцикле «Ява-250». Поневоле, так уж вышло. Синие лучистые глаза, темные волосы, тонкий стан, точеное личико и обаятельнейшая улыбка – все это делало юную королеву одной из первых красавиц Европы. Беременность, а затем и роды пошли ей на пользу: Мария зарумянилась, приобрела утонченную женскую томность, хотя до сих пор чем-то напоминала девочку-подростка. Так ведь ей не было еще и двадцати!

– Явились гонцы из замка, – усаживаясь на скамью у окна, тихо сообщила Маша. – Умер фон дер Гольц.

– Плохо, – ливонский властелин сумрачно покачал головой. – Впрочем, следовало ожидать. Пневмония без пеницилина – смерть верная. Однако же жаль, жаль... Что ж, пусть молодая вдова вступит в права наследства.

– Если вступит, – Мария нахмурилась и вытянула ноги. Темно-голубое фламандское платье с открытым декольте очень шло к ее глазам... да и вообще – ко всей фигурке.

– Красавица ты моя, – подойдя ближе, Магнус умильно посмотрел на жену и улыбнулся. – Вот, веришь, не наглядеться! А что до наследства... вряд ли родственники барона будут пытаться что-то оспорить. Они же знают, под чьим покровительством находится молодая вдова!

– Они-то, может, и знают, – с сожалением промолвила Маша. – Но мы-то с тобой совсем не знаем их. Тем более здесь, в Ливонии, так легко предать! Швеция, Польша, цесарские земли... Есть куда податься!

– И все же я уверен, Александра выиграет это дело в суде! – король упрямо сжал губы.

– Если дойдет до суда, – встав со скамьи, Мария подошла к окну и посмотрела во двор, на залитые дождем смородиновые кусты и клумбы. – Ах, вот бы назавтра – солнышко. Поехали б с тобой на прогулку. Володеньку б на двор вынесли, вот бы и порадовался солнышку-то!

– Как он сейчас?

– Спит у кормилицы. Во сне улыбается, хитро так... как ты.

– Да я-то вовсе не хитро!

– Хитро, хитро! – Маша засмеялась. Но смех ее, похожий на звон серебряных колокольчиков, вдруг резко оборвался. Подойдя к мужу, она прижалась к нему, погладила по плечу:

– Знаешь, милый, я все думаю об Иване. Темно как-то там все, странно и страшно. Кто что говорит, слухи разные ходят. И Вася, братец, что-то восточку не шлет.

«Об Иване» – это о сыне Ивана Васильевича, царевиче Иване Молодом, вести о кончине которого уже достигли Ливонии... опередив фактическое время смерти царевича года на три. Арцыбашев знал настоящую дату, но тут вот Иван как-то раньше погиб. Бывшие в Нарве проездом любекские купцы, возвращающиеся из Московии, говорили, будто бы царевича убил сам царь, ударив в голову посохом в припадке гнева. То ли обвинил в заговоре, то ли – из-за жены. Говорят, будто как-то утром Иоанн Васильевич увидел беременную жену царевича в неподобающем виде: пояс у нее не был завязан, а ходить нараспашку замужней женщине не пристало. Разгневанный царь ударил якобы невестку, от чего та упала, а ночью случился выкидыш. Тут уж царевич Иван ворвался в палаты и стал укорять отца, за это и получил в висок посохом. Сию версию, впрочем, королева Маша высмеяла сразу: мол, покои царевича – не проходной двор, а уж на женской половине даже царю не так-то просто очутиться.

Также еще говорили, будто царевич умер сам, то ли внезапно, то ли от какой-то давней болезни – бог весть. Как бы то ни было, сие важное известие в Ливонии уже успели обсудить, сделать предположения и выводы. Засим пока что и успокоились – до получения более подробных и правдивых вестей. Когда только они будут? Магнус задумался и вздохнул.

Кто-то осторожно постучал в двери. Верный мажордом Петер, кому ж еще!

– К вам господин Труайя, ваше величество.

За прошедшие пару лет парнишка сильно вытянулся и раздался в плечах, уже не мальчик – юноша, молодой человек, набивший руку в дворцовых делах.

– Пусть войдет, – милостиво разрешил повелитель.

Анри Труайя, липовый француз с круглым русским лицом и вьющейся шевелюрой, когда-то обучал Магнуса фехтованию, нынче же занимал пост начальника королевской полиции, разведки и всех тайных дел.

Войдя, сановник отвесил официальный поклон и тут же перешел к делу, как всегда – срочному.

– Про кончину барона Фридриха фон дер Гольца вы, конечно же, уже знаете.

– Знаем! – разом кивнули юная королева и король.

– Так я не о нем, есть еще сводка преступлений, нынче уж очень странных. Читать?

– Читай, – Магнус уселся в кресло и кивнул на стоящий напротив стул: – Садись, Анри. В ногах правды нет.

– Вчера, около четырех часов вечера, в мастерской зеркальщика Анджея Вандзее убиты два подмастерья, Яан и Йорм, – усевшись, буднично доложил Труайя. – Зарезаны кинжалами. Очень ловко – прямо под сердце. В мастерской ничего не взято.

– Убили... молодых парней, детей почти что, – Магнус с сожалением покачал головой. – Жалко! Только еще жить начали. Найти супостата! Судить и казнить.

– Там, похоже, трое было.

– Ну, так ищите! Кому поручили?

– Сам займусь, – угрюмо нахохлился вельможа. – Понимаете, ваше величество, есть в этом убийстве что-то не очень понятное. Ну зачем было этих парней убивать? Главное, ничего не взяли.

– Может быть, ревность? – Маша вскинула голову. – Вы, Анри, всех их подружек проверьте. Подмастерья – они такие, ни одну юбку не пропустят. Думаю, женщин, девушек надо искать, в них все и дело.

– Как говорят французы, шерше ля фам, – кисло улыбнулся Труайя. – Ничего, поищем. Про девушек тоже не забудем, уж будьте покойны. Так продолжать?

– Ну, я пойду пока, – юная королева не очень-то любила слушать полицейские сводки, и сейчас этого делать не собиралась, поднялась. – Может, Володенька проснулся уже. Посмотрю.

– Посмотри, посмотри, – чмокнув жену в щеку, Магнус проводил ее до самых дверей и тщательно затворил створки.

– Из Нарвы весть пришла: разгромили аптеку, есть убитые, – между тем продолжал Анри. – Нарва, правда, еще пока не совсем наша.

– Пока не наша, – спокойно согласился король. – Но за спокойствие и порядок в городе, с разрешения царя Ивана Василевича, отвечаем мы. Так что там в Нарве? Аптека, говоришь?

– Да, аптекаря убили. С учеником.

– В аптеках есть чем поживиться, – подняв глаза, ливонский властитель задумчиво уставился в потолок, после недавнего ремонта покрытый резным деревянным кружевом. – Правда, для этого надобно кое в чем понимать. В веществах разных разбираться – что дорого стоит, а что, мягко говоря, не очень.

– Хотите сказать, убийцы не простые люди?

– Может быть, может быть. Ищите, Анри! На то у вас и власть.

* * *

В левом углу что-то зашуршало, пискнуло. Крыса? Аграфена-Сашка проворно подобрала ноги и с тоской глянула в маленькое – только кошке пролезть – оконце, расположенное под самым потолком и забранное ржавой решеткой. Такие пертурбации произошли в жизни юной баронессы, что только держись! Впрочем, Сашке не привыкать было – судьбой битая.

Девушка горько усмехнулась – битая-то битая, а поди ж ты, угодила как кур в ошип. Или – во щи, без разницы. Расслабилась, к жизни привольной привыкла... глупая курица! Теперь сиди вот да размышляй, чего не так сделала? Все мы задним умом крепки, однако. Знать бы, где упасть, – соломки бы постелила, а так...

Явившиеся вчера алчные родственники покойного барона – нет, не дочка, какие-то дядья-племянники – с ходу обвинили Александру в колдовстве и отравлении собственного мужа! Ни много, ни мало. Нашлись и свидетели из дворни – вот ведь тоже, козлятушки... Никого из дворовых Сашка (сама роду крестьянского, или, как принято было говорить, «подлого») ничем не примучивала, не обижала. А верно, нужно было примучить! Чтоб боялись,

чтоб страх был... тогда б и не предали бы, испугались да триста раз подумали – на чью сторону встать?

Ох, и напрасно же Александра знакомством своим с королем не хвастала, на всеобщее обозрение не выносила – а надо было! Тогда, может, не посмели б так нагло... Схватили, в подвал бросили... Это в собственном-то замке! И ни один воин за госпожу свою юную не вступился, вот так. Да Сашка и раньше чувствовала – не любили ее в замке, не жаловали. Да и фон дер Гольц так устроил, что стражники да дворня только его и слушались, только ему и подчинялись. Ну, вообще-то правильно, старый Фридрих не дурак был.

Правду сказать – тосковала Аграфена в замке, по жизни своей прежней тосковала, по друзьям – Федору да Левке с Егоркою. Все трое у Силантия работали, в типографии, и на жизнь не жаловались, правда, и к фон дер Гольцу в гости не ездили – не того полета птицы. Сама-то Сашка пару раз ребят навестила, так ведь подсмотрели, доложили барону, и тот не постеснялся собственной супружнице выговор сделать, мол, не дело знатной и благородной даме якшаться со всяким сбродом.

Конечно – да, покойный Фридрих свою молодую жену обожал, да и было за что! Красивая. И в постели способна на многое – так, что барон от восторга млел. Однако главного предназначенья Александра все же не выполнила – не родила, не подарила старому барону ребенка, наследника или наследницу. Просто не могла понести... и о том знала.

И это тоже ей сейчас припомнят! Ну, да – какие дети у ведьмы? Каждое лыко в строку. Интересно, отчего ж эти ушлые дядья-племянники королевского гнева не испугались? Ливонский властелин всегда благоволил Сашке, как и королева Мария. Вступятся! Обязательно вступятся... если узнают. Ведь, может быть, баронские родичи все провернут в тайне – просто убьют безо всяких обвинений. Ну, тогда шиш они с маслом получают, а не земли и замок! Славный король Магнус не даст. Пожалуют, что на свет родилися! Так и будет... только что же они, сами-то этого не понимают?

Послать весточку королю! Как можно быстрее... Только через кого? Как? Слугам верить нельзя... как же тогда быть, что делать? Пока только – ждать.

За дверью вдруг слышались гулкие шаги, скрипнул засов, и в темницу вошли трое. Нет, не племянники-дядья, а какой-то высокий сутулый монах с угрюмым лошадиным лицом и двое знакомых рыцарей при плащах и шпагах: управляющий замком фогт Леонард Цорн и юный паж Эрих фон Ландзее – этакий светловолосый грамотей-красавчик, он давно Сашке нравился.

Эрих держал в руках чернильницу и бумагу, фогт – горящую свечку. Вошедшие сразу за ними слуги внесли в узилище два табурета и небольшой столик, вернее письменное бюро, за которым и расположился паж с чернильницей, пером и бумагой. Небось, согласился записывать показания... тоже еще сволочуга! А фогт-то, фогт – ну чем таким его Сашка обидел, что он сейчас на нее словно на вошь смотрит? Ишь, выкатил глазенки, гад. И губу нижнюю этак оттопырил презрительно...

– Вы знаете, в чем вас обвиняют? – усевшись на табурет, вместо приветствия промолвил монах.

Александра светски улыбнулась:

– Понятия не имею. Нет, в самом деле, знаете ли. Как-то нехорошо все вышло: схватили в собственном замке, бросили в темницу... Это вам просто так не сойдет, не думайте!

– К вам имеется серьезное обвинение, госпожа вдова, – сутулый поиграл желваками. Некрасивое лицо его сделалось строгим и неприступным, в узеньких глазках вспыхнуло что-то похожее на презрение.

– Вы надеетесь на нашего славного короля, понимаю, – монах покивал и ослабилась. – Только вряд ли он вступится за колдунью, отравительницу и... низкую и подлую девку!

– Думайте, что говорите! – вскочив, Сашка хотела было вклепить нахалу звонкую пощечину, да тот перехватил ее руку, сжал.

– Пустите... больно...

– Как особу подлого звания, мы можем отстегать тебя кнутом! И пытаться. Жутко пытаться, понимаешь? – резко перейдя на «ты», сутулый еще сильнее сжал Сашкино запястье, так что девушка вскрикнула от боли.

– Сядь! – отпустив узницу, приказал монах. – И слушай. То, что ты отравила барона, подтверждают многие, очень многие, да...

– Их запугали... подкупили.

– Молчать! – вскочив на ноги, сутулый наотмашь ударил девушку по лицу. – Заткнись и слушай! Подлая тварь, укравшая баронский титул. Мы прекрасно знаем, чем ты промышляла в Новгороде! Твои юные друзья все о тебе рассказали...

Александра вздрогнула и закусил разбитую в кровь губу. Вот это уже был удар ниже пояса! Ее прежняя жизнь, жизнь новгородской гулящей девки, жрицы продажной любви, вдруг стала известна здесь, в Ливонии? Это плохо, очень плохо. Мало того – ужасно! Тут и сам король – прекрасно все знавший – не сможет ничего сделать. Пойдут слухи, и... Пожалуй, это даже похуже обвинения в колдовстве. Хотя тут не ясно, что хуже. Все плохо, все! Юные друзья... Кто же? Феденька? Левка? Егор? Эти парни, вообще-то, не из болтливых. Однако на них могли надавить – схватить, подвергнуть пыткам...

– Что я должна делать? – утерев кровь рукавом, тихо спросила узница.

– А вот это уже разговор! – сутулый одобрительно кивнул и ухмыльнулся. – Во-первых, признаться в отравлении и колдовстве...

– Ага! Чтоб меня отправили на костер, да?!

– Нет, дева, – сверкнув глазами, оборвал монах. – У тебя будет возможность бежать, куда ты захочешь.

– Почему я должна вам верить?

– А у тебя нет выбора. Итак, – сутулый повысил голос, – завтра все и сладим. Что именно тебе говорить, поведает наш славный Эрих.

Сказав так, монах поднялся и вышел, больше не говоря ни слова. Следом за ним убрался восвояси и фогт, а юный Эрих фон Ландзее остался, причем тотчас же покраснел.

– Ну, говорите же, Эрих, – баронесса улыбнулась сквозь слезы. – Учите меня... я все исполню.

– Вы... вы действительно – простолюдинка? – тихо поинтересовался паж.

О, Александра уже придумала, что отвечать. Сдаваться без борьбы она вовсе не собиралась. Тем более они оставили в узилище Эриха – совершили большую ошибку, ага. Хотя, может быть, его просто подставили. Впрочем, что гадать, когда давно пора действовать!

– Нет, – Сашка опустила глаза, дабы не выдать себя даже взглядом – слишком многое сейчас зависело от этой беседы. – Мой отец – новгородский дворянин, пусть и бедный... такой же, как вы, Эрих. Помните, что сделал царь Иоанн с Новгородом? Вся моя семья погибла, а я... Нет, они вам не ввали. Вам дали денег, Эрих? Или просто пообещали? Деньги – это неплохо, и я искренне рада за вас.

Узница говорила быстро, не давая юноше вставить и слова. Словно хотела выговориться, словно бы все слова рвались из нее порывисто и спонтанно. Хотя это было совсем не так!

Мальчику, верно, неловко? Ну, как же, он же дворянин, а тут – какие-то деньги. Надобно его упокоить, уверить... и ни в коем случае не выказать ни капли презрения.

– Вы сделали правильный выбор, Эрих. Только учли ли влияние короля? А эти... дядья, племянники... я даже не видела их никогда! А знаете, мой милый друг, я очень рада, что именно вы явились допросить меня... вам, верно, сказали, что я и в самом деле ведьма и буду давить на вас? Так нет! Я отвечу так, как вам нужно, и подпишу все. Ну, не стесняйтесь же,

действуйте и помните – здесь нет вашей вины. Всего лишь обстоятельства – судьба. Ну-ну, не стойте же столбом, Эрих!

– Знай, ведьма, тебе не обмануть меня! – резко возопив, паж показал глазами на дверь и, обмакнув в чернильницу перо, что-то яростно настрочил на листе желтой писчей бумаги. – Вот здесь прочти, ведьма!

«Я помогу вам бежать...» – подойдя, прочтала девушка. Прочла и с благодарностью погладила Эриха по руке. Тот вспыхнул, словно красна девица, дернулся... но снова оглянулся на дверь.

– Подпиши все листы, ведьма.

– Да-да...

«Сообщите обо всем королю, – быстро написала Сашка. – Если сможете. Если же нет – не надо».

– Я смогу, – одними губами прошептал паж. – Смогу...

* * *

– Вы полагаете, любезнейший пастор, мальчишка и в самом деле справится? – вальяжно осведомился фогт, сидевший в резном кресле. Круглое красное лицо его – лицо извозчика или трактирного служки – выражало явное недоверие и скепсис.

– Справится, – взяв со стола наполненный вином бокал, ухмыльнулся монах. – Он же ее любит. Не так?

– Так, – покивал фогт. – Вот в чем и проблема.

– Нет никаких проблем, – прикрыв глаза, пастор понюхал вино и, видимо, остался доволен. – Она подпишет все наши бумаги. А потом он поможет ей бежать. По-настоящему поможет. Как он думает.

– И мы уберем обоих! – потянувшись к вину, расхохотался управляющий. – Ту, кто нам мешает, и лишний рот.

– За это и выпьем, друг мой! Пусть сбудутся все наши планы. И да поможет нам Бог!

* * *

Маша, милая Маша лежала в постели нагою – такая восхитительная и желанная. Отойдя от окна, Магнус улегся рядом, ласково погладил жену по спине. Поцеловал в шейку, пощекотал под ребрышками и, нежно сжав руками грудь, почувствовал нарастающее желание... и ответное желание Маши. Любовный жар вновь охватил обоих, продлевая удовольствие и негу, король резко отпрянул...потом осторожно погладил жену по бедру... по животику, не забыв поласкать пупок, потом накрыл губами упругие твердеющие сосочки, поласкал языком, одновременно глядя рукою лоно. Юная королева напряглась, застонала, прикрыв глаза, выгнула спинку... Магнус с жаром поцеловал Машеньку в губы. И молодые тела слились, наконец, в любовном экстазе, сдобренном мощным томленьем сердец...

– Кто-то пришел, – накинув сорочку, тихо промолвила Маша. – Я слышу в приемной – кто-то сопит.

– Наверное, Петер. Кому еще там сопеть-то?

– Вот и я о том. Что-то рановато он нынче. Пусть ждет?

– Нет. Я схожу. Мало ли, важное что.

Утро, кажется, обещало быть неплохим. Светало, и хотя солнце еще не взошло, лучи его уже ласкали грозные вершины башен, освещая желто-зеленые ливонские стяги. Неужели солнышко? Неужели закончилась унылая полоса дождей?

– К вам посетитель, ваше величество, – с низким поклоном доложил мажордом. – Некто Эрих фон Ландзее, бывший паж покойного барона Фридриха фон дер Гольца.

– Да помню, помню, – Магнус махнул рукой. – Верно, явился позвать на похороны. Что ж, пусть войдет.

Петер снова поклонился. Бесшумно отворились двери.

Вестник из замка казался сильно взволнованным и явно куда-то спешил. Все время оглядывался, посматривал искоса в окна, словно кто-то гнался за ним или следил.

– Ну, ну, говорите же, Эрих! – подбодрил король. – И не зыркайте так по сторонам. Уверю вас, здесь нет посторонних.

Выслушав вестника, Магнус пришел в ярость. Нет, ну подумать только! С помощью лже-свидетелей обвинить Сашку в колдовстве и убийстве мужа! Неслыханное дело – полностью наплевать на доброе отношение к обвиняемой самого монарха. Совсем, что ли, страх потеряли, вассалы долбаные? Нужно было срочно вытаскивать девчонку, да и вообще – примерно наказать всех, причастных к этому гнусному делу.

Проинструктивровав Эриха, король немедленно вызвал к себе Анри Труайя, велел тому найти все, что только можно, о наследниках барона – тех самых «дядьях-племянниках», о которых когда-то вскользь упоминала Александра.

– И позовите ко мне Михаэля, Анри, – закончив беседу, приказал ливонский властелин. – Пусть берет отряд и скачет в замок – освободить Сашку.

– А я бы не спешил с этим, ваше величество, – неожиданно возразил Анри. – Насколько я понял, в ближайшие дни жизни юной баронессы ничего не угрожает. Не надо раньше времени ворошить осиное гнездо. Все эти племянники и прочие родственники барона могут вести себя столь нагло только по одной причине. Они не считают вас своим королем. То есть считают, но только на словах, и вообще...

– Я понял тебя, друг мой, – встав с кресла, задумчиво протянул Магнус. – Они ждут вторжения шведов. Мало того – служат им! Шпионят.

– Вот именно, мой король. Именно поэтому с баронессой торопиться не следует.

– Хорошо. – Властелин Ливонии подошел к окну и прищурился от выглянувшего из-за башни солнца. – Так и поступим. А что там с убийством зеркальчиков? Нашли уже злодеев?

– Ищем, мой государь.

* * *

Герр Силантий – купец, монах, воин и бывший разбойник – пригладил сивую бороду и потянулся, глядя сквозь оплетенное свинцовым переплетом стекло на разгоравшееся в голубом небе солнышко. А ведь хороший нынче будет денек! Наконец-то.

Ныне Силантий выглядел истинным щеголем, как и положено владельцу типографии и издателю еженедельной газеты, первой в Ливонии, а может, и во всей Европе. Короткий кафтан доброго фламандского сукна, модные рукава с разрезами, накрахмаленные до невероятной белизны брижи, а на груди – толстая золотая цепь.

Основанная больше года назад типография постепенно разрослась в большое и весьма прибыльное предприятие, пользующееся покровительством короля. Впрочем, здесь шла речь не просто о покровительстве. Их величества, король и королева Ливонии, занимались газетой лично, оставляя прочую коммерческую деятельность на усмотрение владельца. Истинный предприниматель, Силантий, или как его здесь прозвали – герр Печатник, не брезговал ничем:

печатал «папистскую» Библию – на латыни, лютеранскую – на немецком и шведском, и на русском – псалтырь. Кроме того, как-то издал весьма фривольные итальянские книжки, имевшие немалый успех у всех ливонских дам. И не только у ливонских. Еще напечатал игральные карты, сочинение польского астронома Коперника и втихаря, без разрешения наследников, переиздал знаменитый труд австрийского посланника Герберштейна «Записки о Московии». В общем, работы хватало.

– Федор! Эй, Федор, – выглянув в печатный зал, где уже вовсю шла работа, громко позвал Силантий. – А ну, подойди-ка, ага.

Правая рука Печатника, шестнадцатилетний Федор, темноглазый смуглый и худой, войдя, тряхнул длинной темной шевелюрой:

– Звали, Силантий Андреевич?

– Да уж, звал, – Силантий с неудовольствием покривил губы. – Кто-то мне обещал чертеж землицы Ливонской закончить, а?

– Так закончим же, – непонимающе моргнул юноша. – К пятнице ведь обещались, а нынче только среда.

Поверх скромного, как и подобает работнику, темного кафтана Федора был накинут суконный фартук, который парнишка все время теребил за подол, как всегда и делал, когда волновался. Движения эти не ускользнули от внимательного взгляда Печатника:

– Среда, говоришь? А что тогда беспокоен так?

– Парни еще не вернулись, – признался молодой человек, – Егорка с Левкою. Послал их дороги к замкам перечертить. Вчера еще послал – так до сих пор нету. Вот и маюсь. Младые ведь совсем отроки, мало ли что?

– Да не пропадут, чай, – Силантий отмахнулся и снова погладил бороду. – Разбойных людишек нынче тут нету. Да и бароны не забалуют, королевских пушек боятся.

– Одначе парней-то нет, – резонно возразил Федор. – Я б, господине, с разрешенья твоего, съездил бы, поискал.

– Ну, поищи, коли сердце мается, – несмотря ни на что, герр Печатник все же был человеком добрым, чем многие нахально пользовались. Впрочем, Федор как раз таки не входил в число этих «многих».

– Лошадь мою возьми, отроче. На усадьбу загляни, у Лизхен спросишь.

Лизхен была законная супруга Силантия, светло-рыжая немецкая вдовушка с круглым лицом и необъятной грудью. Мужа своего она слушалась и почитала беспрекословно, правда, нрав имела смешливый и смеялась буквально надо всем. Вот и, отдавая Федору лошадь, не удержалась:

– Ты, верно, к девкам собрался, а, Теодор?

– Да нет же! Друзей поискать.

– Про друзей обычно в корчмах спрашивают да на постоянных дворах. Там, небось, где-нибудь и спят, пьяненькие.

Послушав смешливицу, юноша именно с корчмы и начал. Завернув во двор, привязал у коновязи лошадь да сразу и зацепился языком с корчемными служками. Те, кстати, отроков мелких видели.

– Волосами светлые, важные? Один в смешной такой шапке?

– Да-да, это они и есть!

Парней видали и на постоялом дворе на самой окраине городка, и на той дороге, что вела мимо старого дуба к замку риттера Герлаха фон Нейе, и дальше – мимо орешника – к усадьбе Оффы фон Риппертропа, а уж от его земель, через кленовую рощицу – к замку барона фон дер Гольца. Везде парочку отроков видели! И пастухи, и торговцы мелкие и всякие прочие крестьяне.

Видеть-то видели, да не видали, куда ж эти парни делись! Впрочем, один дедок вспомнил. К Марте Кособокой они зашли. Видать, за любовным зельем. К Марте за этим зельем кто только не шляется! Из самой Нарвы да из Дерпта приезжают.

– А где эта Марта живет-то, уважаемый герр?

– А во-он за теми дубками ее хутор. По тропинке иди, не заплутаешь.

Кособокая Марта оказалась вовсе не злющей деревенской ведьмою, а вполне себе симпатичной женщиной, правда, уже далеко не молодой, лет тридцати с лишним. Пышная юбка, распахнутая вязаная кофта, и грудь, утесами вздымающая белую вышитую сорочку. Увидев незваного гостя, Марта бросила вилы и подошла к забору, не выказывая никакого удивления:

– Отроков ищешь? Парней? Ну, пошли тогда.

Шла она – да, прихрамывая. От того, верно, кособокой и прозвали. А так – женщина видная!

– Эти? – распахнув двери пилевни, хозяйка хутора кивнула на спящих на соломе парней

– Егорку и Левку!

Федор обрадовался:

– Ну, слава Господу, живы. Эй, поднимайтесь, сони! На работу пора.

– Напрасно стараешься, – скосив глаза, хмыкнула Марта. – К вечеру только проснутся.

– Почему к вечеру?

– Так зельем опоены. Я и опоила, ага... Да ты глазищами-то не сверкай и за нож не хватайся! Не на смерть же опоила, а так... Попросили, вот и опоила. Чтоб поболтливей были, пооткровеннее.

– Кто попросил?

Хуторянка окинула юношу томным взглядом и вдруг улыбнулась:

– А парнишка ты ничего, глазастенький, справный. Идем-ка, поможешь мне копну на телегу закинуть. А потом... потом, может быть, я чего-то и вспомню, ага.

* * *

За всеми делами-заботами почтеннейший герр Печатник как-то и позабыл про то, что еще с утра разрешил отлучиться по важным делам своему помощнику Федору. Забыл, со всяким случается. Позвал – не откликнулся парень, Силантий было ругаться, да потом и хлопнул себя ладонью по лбу – отпустил ведь, ага!

– Эй, ну-ка, кто тут есть?

– Я есть, герр Силантий.

Этого паренька со смешным мекленбургским говором и хитрыми карими глазами Печатник нанял не так давно, всего-то пару недель назад. Худой, узколицый, с копной спутанных темно-русых волос, Франц – так звали парня – оказался вполне способным учеником, к тому же на первых порах был готов работать за миску похлебки и кров. Спал он вместе со всеми другими работниками, здесь же, при типографии, и пока особых нареканий не вызывал.

– Ну-ка, на карты глянь, – хозяин печатного дела любил иногда посоветоваться с работниками в мелких делах. И парням приятно, и от него не убудет.

– Тут вот дама пик, а тут вот – король бубен. Так вот, бубны-то чем раскрасить?

– Бубны – киноварью, – не раздумывая, отозвался Франц. – А пики – сурьмой. Для короны – чтоб блеск – сулему можно... правда, немного и очень так остороженько – ядовитая!

Умный парень оказался этот Франц! Силантий довольно погладил бороду. Он вообще любил умных. Особенно когда те работали на него.

– В Москве, в Архангельском соборе, росписи... вот так бы и тут, – несколько забывшись, продолжил отрок. Молвил, и тут же с поспешностью прикусил язык, будто чуть не выболтал что-то важное.

Силантий между тем подивился:

– Ого, да ты и на Москве бывал?

– Что вы, что вы! Конечно же нет, – замахал руками Франц.

– А про собор Архангельский откуда знаешь?

– От гостей торговых слыхивал, ага.

* * *

– Да как эти люди выглядели? – вернувшись под вечер в пилевню, все никак не мог выпытать Федор. Отроки, слава богу, оклемались, проснулись, вполне себе здоровенькие и даже веселые, однако как здесь очутились, не помнили напрочь!

Не очень-то вспомнили и после того, как Марта позвала всех в дом да угостила молоком с лепешками.

– Ну... никого ж не видели, ни с кем, кроме пастушков да крестьян, не разговаривали, – положив на скамью суконную, с загнутыми полями шапку, Левко взъерошил волосы.

– А Марта про каких-то мужиков говорит.

– Марта? Ой... – мальчишка неожиданно сконфузился и, улучив момент, спросил: – А чего это она к нам такая ласковая, а?

– Да так, – покраснев, Феденька быстро перевел разговор на другую тему. Все о тех же мужиках, коих так и не вспомнили отроки... зато хорошо рассмотрела хозяйка хутора. Незнакомые. Двое. По виду – горожане или даже небогатые рыцари. А может, и бывшие шведские наемники – гофлейты. Лица обычные, у одного борода, у второго – усы.

– Говорю ж, обычные мужики, лет к тридцати уже, – обернувшись от очага, Марта умильно посмотрела на Федора. – Никаких примет нет. Увидишь – не вспомнишь. Нет, ну, я, конечно, узнала бы. Но только если они в той же одежке будут.

Мужики – рыцари или гофлейты – заплатили хуторянке за зелье целый талер! Жалованье наемников за полгода – чего ж отказываться-то? Тем более жизни лишать никого не надобно.

– А вы-то чего сюда, на хутор, поперлись? – тихонько негодовал Феденька. – Медом тут намазано, что ль?

– Кому и намазано...

– Чего-чего?!

– Говорим, дорога-то мимо хутора как раз и проходит. А нам же ее на чертеж рисовать! Тут и хозяйка вышла... попить вынесла. Вот мы и...

– Понятно все с вами, да.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда в узилище, где томила Сашка, заглянул, наконец, Эрих, паж.

– Собирайся, уходим, – волнуясь, юноша протянул девчонке мужскую одежду: узкие панталоны с буфами, сорочку, колет. – Надень вот, неудобно в платье-то по стенам да по лесам. Ой... – парнишка неожиданно покраснел. – Извините, что на «ты», госпожа баронесса. Просто вырвалось.

– Нам с тобой и нужно на «ты», – усмехнулась узница. – Мы ж друзья, нет?

– Конечно, друзья! – Эрих истоиво сверкнул глазами. – Да я за тебя... за вас...

– Платье расстегнуть помоги, – девушка повернулась спиной. – Вон там, завязки...

Улыбнулась. Почувствовала, как холодные пальцы пробежали по шее... по спине...

– Ах, Эрих... Ты такой нежный!

Ничуть не стесняясь, Сашка сняла верхнюю половину платья, оголив спину и упругую юную грудь.

Паж чуть было не сомлел от такой вольности! Да и сомлел бы, но Сашка не дала, некогда. Усмехнулась, взглянула лукаво:

– Ну, что стоишь? Помогии с кринолином управиться... Вот здесь поддержи... ага... Теперь потяни. Да не меня тяни – юбку... Вот так! Все-то вашего брата учить надобно.

– Вы... ты... – потрясенный до глубины души парень не знал, что и сказать. – Ты – сама прелесть! Я за тебя...

– Говорил уже... Ну, что – пошли?

Никем не замеченные, беглецы выбрались во двор и затаились невдалеке от амбаров, сложенных из сумрачного серого камня. Солнце уже зашло, но небо оставалось светлым, белесым – все ж таки лето еще.

– Будем ждать темноты? – шепотом поинтересовалась Сашка.

Юноша улыбнулся:

– Ты еще предложи со стены по веревке спуститься! Нет. У меня иной план. Более действенный и безопасный. Видишь этих людей?

Эрих кивнул на толпившихся во дворе крестьян с повозками:

– Привезли нынче оброк, да, как всегда, припозднились. Сама знаешь, эконом – тот еще фрукт! Пока все пересчитает, запишет... Ага! Собрались вроде.

Показавшийся на крыльце главной башни фогт лениво махнул рукой. Крестьяне обрадованно зашумели, послышалось лошадиное ржание, и повозки покатали к воротам. Одна из телег тащилась впритык к амбарам. Возница, чернобородый плечистый мужик в войлочной шапке, выжидательно повернул голову.

– Бежим, – Эрих порывисто схватил девушку за руку. – Быстрее.

Покинув свое убежище, беглецы проворно нырнули в повозку, тут же зарываясь в солому. Чернобородый возница подогнал лошадей.

Сашка слышала, как скрипели колеса, как переговаривались у ворот стражники. А вдруг да решат проверить? Перешерстят все телеги – как бы сиволапые не украли чего! Тогда что? Выскочить – да бежать. А куда?

Захрипела, дернулась лошадь. Повозка тронулась, прокатилась несколько десятков шагов и снова замерла, остановилась. Неужто все ж таки задумали проверять? Девушка напряглась, вытянулась, в любую секунду готовая выпрыгнуть из телеги и драться, бороться, бежать! Эрих успокаивающе погладил ее по спине. Что-то загремело... Цепи! Стражники опускали подъемный мост.

– Н-но-о-о!

Повозка дернулась, покатила, заскрипели под колесами доски. А вот затрясло – съехали с моста на дорогу. Господи, неужели удалось?

– Пока не высовывайтесь, – гулко предупредил возница. – Полежите еще.

Дорога свернула в лес, стало заметно темнее, и крестьянин, наконец, разрешил беглецам выбраться из соломы. Возблагодарив Господа, Саша чмокнула Эриха в щеку и тихонько засмеялась. Сверху, среди черных ветвей, сверкали желтые звезды, и золотистый серп месяца мерцал, почти касаясь вершин высоченных елей. Где-то совсем рядом вдруг завыл волк. Лошадь испуганно фыркнула и заржала.

– Переночуем на хуторе, – обернулся чернобородый. – Там спокойно.

Александра согласно кивнула – не шляться же по лесу ночью! Неизвестно, куда зайдешь, да и опять же – волки.

Дорожка между тем сужалась, лохматые ветки лезли в лицо, царапали кожу. Сашка вновь улеглась на солому, Эрих же так и сидел, сжимая в руке кинжал – охранял, словно верный страж.

Один только Бог или черт ведали, каким образом сейчас ориентировался в ночном лесу возница. Однако же привез, куда надо, не заплутал, не заблудился. Спрыгнув с телеги, погладил лошадку по гриве да, обернувшись, сухо бросил беглецам:

– Слезайте. Приехали.

Насколько смогла разобрать беглая баронесса, хутор представлял собой бревенчатую мызу, выстроенную на фундаменте из больших округлых камней и окруженную хиленьким частоколом – не от людей, от дикого зверя.

Отворив ворота, крестьянин загнал телегу во двор и тут же принялся сноровисто распрягать лошадь, предложив беглецам не стесняться и зайти в дом.

– А я пока с хомутом управлюсь. Угли в печи еще тлеют, свечки слева от двери, на полке. Выглянул из-за облака месяц.

Поднявшись по узенькому крыльцу, Эрих и Александра на миг замерли. Покусав губу, юноша толкнул дверь. Сразу пахнуло теплом и каким-то домашним уютом: недавно испеченным хлебом, вкусной похлебкой и жареной рыбой. В круглой печке, сложенной из камней и обмазанной глиной, потрескивали дровишки. Рядом за столом сидели какие-то мужики. Один из них, подняв голову, посмотрел на застывшую на пороге Сашку:

– Ну, входите, Александра. Заждались вас уже. Рыбу вот жарим – будете?

– Михаэль! – с радостным криком девушка бросилась на шею поднявшемуся из-за стола высокому и, видимо, очень сильному мужчине с красивым широким лицом, обрамленным вьющейся светлой бородкой.

– Дядя Миша! Я так рада... так...

– Ну-ну, не реви только, дева. Знаешь же – не люблю.

Они говорили по-русски, ибо для обоих это был родной язык. Михаил, Михаэль Утрехтский, или сокращенно Михутря, прежде чем получить от короля Ливонии капитанский патент и роту отборных головорезов, повидал на своем веку многое. Испытал и милость царя Ивана, и царский гнев, скитался много лет на чужбине, сражаясь в рядах нидерландских повстанцев – гезов – против испанского короля и его наместника, герцога Альбы. Обликом своим Михаил сильно напоминал Леониду-Магнусу какого-нибудь норвежского капитана или кого-нибудь из благородных героев Джека Лондона. Вот только глаза подвели – не голубые, не серые, не темные, а не поймешь, какие – смесь карих с зеленовато-черными. Такие глаза иногда случаются у цыган.

Сашка была знакома с Михутрей еще с Новгорода. Как, впрочем, и с его величеством.

У стены близ печки, вытянув ноги, сидели какие-то люди со связанными руками. Целая гора оружия, по-видимому у них и отобранная, валялась в углу. Кинжалы, палаши, шпаги. Даже пара пистолетов. Что и говорить, подготовились основательно! Только вот к чему? Вообще, кто они – обычные лесные разбойники-бродяги? Судя по пистолетам, нет. Больно уж дорогущее оружие для простых бродяг.

– Вас ждали, – перехватив удивленные взгляды беглецов, ухмыльнулся Михутря. – Что же ты, Эрих, думал – патер Петреус всерьез намеревался ее отпустить?

Погладив Сашку по плечу, Михаил чмокнул ее в лоб и неожиданно рассмеялся:

– Ох, влипла бы ты, дева! Коли б его величество нас на выручку не послал. Да и Йонс, возница, сразу на твоей стороне был. Крестьяне-то тебя, Сашка, любят! Куда больше, чем фогта. Ой, а что мы стоим-то? – спохватился бывший разбойный капитан. – А ну-ка, давайте к столу! Рыбку есть будем.

* * *

В нежно-голубом безоблачном небе яростно сверкало солнце. Дул сильный ветер, еще с утра разогнавший облака и тучки, раскачивал ветви деревьев, трепал реюющие над замком флаги. Лазоревые, как небо, с изображением золотого вепря. Герб фон дер Гольца.

На похороны барона собрались все родственники и вассалы. Риттер Герлах фон Нейе, риттер Оффа фон Риппертроп, барон Людвиг фон Ратг и прочие. Явилась и дочь Фридриха, хоть и при жизни родного батюшку не особо жаловала. Но тут пахло наследством, а это совсем другое дело! Баронесса, красивая, лет тридцати с небольшим женщина, искоса поглядывала на стоявших невдалеке родичей – двух молодых рыцарей, приходившихся старому барону двоюродными племянниками, и плечистого пожилого усача – дядюшку Вольфрама. Эти тоже ненавидели покойного Фридриха, как, впрочем, и он их. Но все на что-то надеялись, иначе бы не пришли.

Темные глаза баронессы горели тревогой, дядья-племянники вполне могли бы устроить какую-нибудь каверзу, на которые были великие мастера. Баронесса об этом знала, потому и тревожилась, хотя и прихватила с собой известного на всю Ригу стряпчего.

Старый Фридрих фон дер Гольц не был особенно ревностным христианином, к тому же недавно сменил веру, перейдя из католичества в лютеранство. Тем не менее прощание с бароном проходило в замковой церкви, и проводил его лютеранский священник – пастор Арнольд Петреус, как поговаривали – добрый знакомый дядьев-племянников покойного. Длинный, сутулый, с лошадиным вытянутым лицом и горящими глазами фанатика, пастор чем-то напоминал древнего пророка, хоть и не имел ни длинной седой бороды, ни всклокоченной шевелюры.

Гроб старого барона, сколоченный лучшими краснодеревщиками Ливонии, покрывали лазоревые стяги с древним гербом фон дер Гольцев – бегущим золотым вепрем. Такие же гербы виднелись и на развешанных прямо в церкви щитах, на ливреях слуг и на плащах стражи. Все говорило о богатстве покойного, распорядитель замка – фогт Леонард Цорн не пожалел на церемонию денег, как видно, с разрешения родственников. Правда, самого фогта что-то видно не было, но действие шло по плану – все ждали короля, а тот что-то запаздывал.

Ожидание коротали в беседах, мусоля последние сплетни. Некоторые всерьез утверждали, будто бы старого барона отравила молодая жена, другие уточняли: не отравила, а извела колдовством, что куда как страшнее и пакостней. И в своем злом колдовстве юная баронесса уже призналась и даже попыталась бежать, да неудачно – попала в руки разбойников, те ее и убили.

– Не просто так убили, господа мои, – велеречиво объяснял какой-то барон. – А сперва с ней потешились, а она от них – бежать. Прямо по лесу, голой.

– Неужто и впрямь – голой?!

– Да-да, нагой! Разбойники пустили собак, вот они-то отравительницу и разорвали.

– Да прям разорвали! Разве станут собаки связываться с ведьмой? Не смешите людей, барон. Колдунью достали заговоренной стрелой, я это точно знаю!

– Не стрелой, а копьем! С древком из осины. Так насквозь и пронзили, словно оленя или кабана.

– Кабана-то попробуй насквозь пронзи!

– А мне, господа, все ж таки жаль баронессу!

– Нашли, кого пожалеть! Отравительницу, ведьму.

– Зато какая красавица была!

– Ведь все красавицы.

– Нет, нет, далеко не все! А эта... Вспомните, какие балы устраивала баронесса! Не думаю, что нам когда-нибудь будет так же весело.

– Еще неизвестно, кому достанется замок.

– Ах, Александра... неужто и вправду ведьма?

– Ведьма не ведьма, а мужа-то извела.

– Так, может, врут про нее все?!

Тут мнения разделились, многим из собравшихся юная баронесса нравилась, очень многие испытывали к ней жалость. Пусть ведьма, пусть отравила... зато красивая, молодая, веселая! Есть что вспомнить.

– Его величество король! – войдя в церковь, звучно доложил паж Эрих фон Ландзее.

Все тут же перестали шептаться, искренне приветствуя молодого монарха и его оборотительную супругу, коей так шло черное траурное платье. Так шло...

– Испанский наряд, – сразу же зашептались дамы. – Закрытое, изящное...

– А кринолин, кринолин-то какой!

– И брабантские кружева... Ах! Интересно, будет ли сегодня бал?

– Какой бал, вы с ума, что ль, походили? Похороны, чай, не что-нибудь.

– И все ж таки очень хотелось бы. Баронесса Александра, при всей ее неотесанности, все же... ах, что уж теперь говорить.

Вздыхнув, жеманная красотка Элиза фон Бексенгаузен томно обмахнулась веером, открыто стреляя глазками в сторону молодого пажа.

Прощание прошло быстро, скончавшийся барон никому не был нужен. Быстренько простились, быстренько погребли усопшего в семейном склепе, задвинули тяжелую плиту и сразу же перешли в трапезную, где уже были накрыты столы. Помянув покойного, родичи барона, наконец, перешли к делу, ради которого, собственно, сюда и явились. Тем более – сам король был здесь, удобно!

Выслушав просьбу дочери покойного, его величество милостиво разрешил вести юридическую сторону дела известному на всю страну стряпчему Юханусу Лансу, седенькому, чуть картавящему старичку. Тот, правда, явился из вражеской Риги, зато славился далеко за ее пределами как опытный и честный юрист.

– С соизволения их величеств, милостью Божьею короля Магнуса Справедливого и королевы Марии, я сейчас оглашу завещание покойного барона, – встав со скамьи, поклонился стряпчий. – Оглашение состоится при всех, поскольку родственники и наследники покойного не имеют ничего против. Не имеете, господа?

Юханус Ланс обвел наследников внимательным взором. Те гордо кивнули, соглашаясь с предложенной процедурой.

Вытащив из принесенного слугою ларца пожелтевший свиток, стряпчий вскрыл баронскую печать и неожиданно звучным голосом зачитал завещание. Которое, в общем-то, не произвело никакого фурора. Все и так хорошо знали, что там написано, покойный Фридрих о том неоднократно говорил. Треть всех земель плюс пара выгонов, три мельницы и морской баркас барон великодушно оставлял дочери, все же остальное доставалось молодой жене. Включая и замок.

Дочь барона, похоже, была полностью удовлетворена сим раскладом, и даже более того! Ее красивое лицо озарилось самою радостною и откровенной улыбкой, что пристало больше девчонке, нежели достойной и солидной матроне.

Что же касаясь дядюшки и племянников, те пока молча ждали, то и дело поглядывая на пастора.

– Однако поскольку супруга покойного погибла и не в силах более претендовать на наследство...

– Я претендую! – высокий девичий голос прозвучал словно выстрел с пиратского корабля. Одна из королевских фрейлин откинула капюшон и взобралась на скамью.

– Баронесса!!! – среди собравшихся гостей тут же послышались выкрики. – Черт возьми – баронесса!

– Александра!

– Алекс, так ты не погибла?!

– Алекс, мы любим тебя!

– Да она же ведьма!

– Отравительница!

– Позор!

Побагровев, к стряпчему подбежали баронские племянники и дядюшка Вольфрам.

– Что-что? – Юханус приложил к уху ладонь. – Да-да, я понял вас, господа. Однако продолжим. Итак, могу ли я считать, что личность баронессы Александры фон дер Гольф установлена?

– Можете, – махнул рукой король. – Я сам поручусь в этом.

– Хорошо, – убрав завешание, стряпчий перевел взгляд на девушку. – Вас обвиняли в колдовстве и отравлении, баронесса. Признаете ли вы это?

– Нет! – с вызовом посмотрев на Вольфрама, Сашка сверкнула глазами. – Меня оговорили. Более того, я сама собираюсь судиться с клеветниками и уже направила исковое заявление в королевский суд.

– Да, – подтвердил Магнус, – направила. Так оно и есть.

С таким свидетелем никто не решился спорить. В дело неожиданно для многих вступил пастор Арнольд Петреус. С каменным лицом он подошел к стряпчему и вытащил из-за пояса свиток.

– Здесь доказательства обвинения! – пастор торжественно поднял свиток над головой. – Отравительница и ведьма сама подписала их и во всем призналась.

– Наглая ложь! – нахально улыбнулась Сашка. – Меня просто заставили все подписать. Силой!

– Но... – пастор Арнольд несколько опешил, но быстро взял себя в руки. – Ты... вы можете поклясться в этом на Библии?

– Конечно, могу!

Лошадиное лицо пастора исказилось гневом. Впрочем, в глазах промелькнула некая растерянность, более того – озабоченность. Как-то уж слишком резко все пошло не так.

– Но как же свидетели? – вкрадчиво спросил Петреус. – Почтеннейший фогт Арнольд Цорн...

– Фогта нет нигде в замке, – торопливо доложил каштелян. – Он куда-то уехал еще с утра. Ускакал на лошади. Со всей поспешностью, будто за ним черти гнались.

– Тогда – вот он! – пастор указал перстом на пажа. – Славный рыцарь фон Ландзее! Мы же вместе допрашивали эту ведьму...

– Баронесса не виновата ни в чем, – скромно ответил Эрих. – Ее оговорили. Заставили. Я – свидетель тому.

– Мы назначим по этому обвинению новое слушание, – вскользь добавил король. – И хорошенько разберемся с клеветниками... И с вами, мои господа!

Встав, Магнус строго взглянул на дядюшку Вольфрама и двух баронских племянников – риттера Эйрада и риттера Генриха.

– А что мы такого сделали? Мы в своем праве...

– Сдается мне, вы – шведские соглядатаи, мои господа! Взять их! – приказал король, и тотчас же в трапезной началась свалка.

Хотя дядя-племянники явились не одни, а с дюжими слугами, но всех их довольно быстро скрутили и, бросив связанными в телегу, увезли в Оберпален для дальнейшего следствия.

Освободившаяся от тяжелых подозрений законная наследница покойного – Сашка – откровенно сияла и принимала поздравления, обещая в самое ближайшее время устроить бал. Вот только уляжется скорбь по смерти мужа.

– Да здравствуйте король! – закричал кто-то.

Все дружно подхватили:

– Да здравствует король и королева! Ура!

– Да здравствует баронесса Александра!

И в самом деле Сашку любили многие. Не только простолюдины, но, как выяснилось, и благородные рыцари, и бароны. Кто-то из них вспоминал благосклонную улыбку юной баронессы, кто-то – ее сияющие глаза, а кое-кто – и томный многозначительный взгляд. К тому же почти все рассчитывали на смягчение вассальных обязательств, крестьянам же давно было обещано уменьшить арендную плату. Что же касается крепостничества, то Магнус-Леонид отменил его еще раньше, особым указом. И тем привлек на свою сторону ливонских крестьян.

Как оно и бывает во все времена, поминки быстро перетекли в обычный пир. Доблести старого барона вспоминали лишь время от времени – как того требовали приличия, большей же частью говорили обо всем прочем, обсуждали дела. Никто так и не заметил, куда делся пастор Арнольд Петреус. То ли ушел, то ли сбежал. То ли все же арестовали его королевские люди. Бог с ним. Не в пасторе дело – в Сашке! Юная баронесса пыталась сдерживать радость – все ж таки год почти со старым Фридрихом прожила, в чем-то – не так уж и плохо. Барон, правда, был тиран, но вполне отходчивый, так, иногда оплеуху отвесит юной жене или заломит руку... Это ничего, нестрашно, почти все тогда так и жили. Почти все.

Глава 2

Август 1575 г.

Ливония

Письма принесли утром. Сразу два. Одно передали через виленских купцов, что заехали в Оберпален по пути в Нарву, другое доставил верный человек из Москвы, тоже с купцами, только не с виленскими, а со смоленскими.

Магнус поудобнее устроился в кресле и сорвал печать с первой попавшейся грамоты – из Вильны. Мелкий убористый почерк, немецкий язык, точнее тот его диалект, на котором говорили в Прибалтике, плюс кое-что по латыни.

«С уважением, которого вы заслуживаете, предлагаем вам, ваше величество, кроме Ливонии принять на себя и корону Речи Посполитой, в чем будет вам помощь от верных людей из Вильны и Кракова. Смеем вас уверить, ваше величество, вы будете иметь много голосов на элективном сейме, ибо многие выступают как против Иоанна Московского, так и против шведов. Император-кесарь Максимилиан также не имеет достаточной поддержки среди шляхты короны и княжества...»

«Корона» и «княжество», – король задумчиво покусал губы. Польша и Литва, все вместе, вот уже шесть лет объединенное государство Речь Посполитая, искаженное «республика» – «власть народа». Магнаты обещают поддержку, и еще – часть шляхты, и почти все горожане – зажиточные немецкие бюргеры, купцы. Так уж сложилось, что и в Литве, и особенно в Польше собственного купечества мало, в основном немцы.

Обещают поддержку, хм... Чего же не подписались? Побоялись, что письмо перехватят? И что с того? Впрочем, что ему-то, Магнусу Ливонскому, за дело до польско-литовских интриг? С другой стороны, может, и стоит побороться? Речь Посполитая – это вам не Ливония! Государство огромное, сильное. Правда, слишком уж слабая центральная власть, все права у магнатов да шляхты. Так это можно исправить! Не сразу, потихонечку, постепенно, опираясь на города и часть магнатов – тех, кто ненавидит шведов. Таким много, очень много, и в Польше и в Литве. Однако же почти все они ненавидят Ивана Грозного, а ливонский властелин, как ни крути, его прямой вассал. Правда, получив новую корону, вассалитет можно будет оспорить... что неизбежно вызовет войну. Хотя она и так идет вовсю.

– Из Вильны послание, милый? – красавица Маша, неслышно подойдя сзади, заглянула через плечо. – На трон зовут?

– Ну, а куда же еще-то?

Магнус расхохотался и, приобняв жену, чмокнул ее в губы:

– Думаю, с этим надо что-то решать.

– Я тоже – думаю, – Марья Владимировна посмотрела на мужа совершенно серьезно, без всяких там глупостей. – Думаю, дело того стоит. Рано или поздно Иоанн раздавит нас. Выберет удобный момент и...

– Но пока он нам помогает!

– Вот именно – пока! – синие очи юной королевы вспыхнули ненавистью и гневом. – Иоанн казнил моего отца и мать. И многих других родичей. Брат вот умер...

– Кстати, а вот из Москвы письмо, – король взял в руки второе послание. – От верного человека. Сейчас прочтем.

Развернув желтоватую бумагу, Магнус недовольно хмыкнул: письмо было написано скорописью – с пляшущими во всем стороны буквами, с сокращениями да еще так неразборчиво, российские медики отдыхают!

– Из Москвы! – обрадованно молвила Марьюшка. – Дай-ка сюда, прочитаю.

– Тогда уж давай вслух.

Как и всегда, послание от «верного человека» было составлено хитро, так что не понять – кому написано и от кого. Ни тебе поклона, ни приветов, ни послания здравия – сразу быка за рога:

– «Верно, уже дошли и до вас горестные вести о безвременной кончине царевича Ивана, – Маша негромко зачитала первую строку. – По Москве ходят разные слухи, один другого нелепее. Говорят, дескать, сам царь Иоанн убил сына своего в припадке гнева. Не верьте. Сие есть ложь, неправда. Истина же в том, что царевич сильно занемог и скончался. Многие на Москве считают, будто его отравили...» Отравили! – королева многозначительно подняла указательный палец. – «Кто-то винит поляков, кто – шведов, а иные – царя Иоанна, хотя тому травить сына своего незачем. Сии слухи все – тайные, говорят, Щелкаловы дьяки вышли на след, опять же – ничего от них толком не дознаешься, интриганы старые и каждый свою выгоду блюдет».

Далее шло беглое описание состояния внутренних московских дел: кого казнили, кого отправили в ссылку, все имущество отобрав, – и в самом конце письма уведомлялось, что кто-то из польских магнатов вновь пригласил царя попытать удачи и занять трон Речи Посполитой.

– Правда, Иоанн, что такое элективный сейм, не понимает ни разу, – Марьюшка злорадно повысила голос. – Еще бы понимал! Он что – королева английская? Вот и тут пишут... Иоанн, де, считает, будто поляки с литвинами, задумав звать его на трон, кланяться станут, слезно просить и в ноги бросятся. Что такое выборы, ему невдомек! – синие глаза вновь вспыхнули. – Интер-е-е-сно, у кого хоть вообще умишка хватает тирана этого на трон польский звать? Что они, не понимают, что ли? Хотят, чтоб Иоанн кровью все коронные да княжеские земли залил? Он и залет. Он может, кровопивец чертов!

Юная королева разволновалась, царя Ивана Васильевича она ненавидела искренне и всей душой – так ведь и было за что. Род Старицких пострадал от московского государя немало! Опять же, частенько не просто так, а за дело. Батюшка Машин, князь Владимир Старицкий, много в каких заговорах участвовал, почитай, ни одного не пропустил! И права на корону государя российского имел ничуть не меньше Ивана. Как и Машенька, к слову сказать! Как и сын королевской четы – Вольдемарус-Володенька. Тот мог уже и на датский трон претендовать, и, отчасти, на шведский.

Обняв присевшую рядом супругу за плечи, Магнус покачал головой:

– Скажу так, милая. Иоанн многим в Речи Посполитой люб вовсе не потому, что тиран. Кто в нем защиту от шведов видит, кто – от турок. А кое-кто – от произвола магнатов. Горожане же и крестьяне надеются, что Иван шляхту прижмет.

– От произвола, говоришь? – гневно дернулась Маша. – Так он сам, Иоанн, тиран поганый, произвол и есть! Защитит он их, как же! Кровавыми слезами умоются, вот посмотришь... Тьфу! Что я говорю-то? Не бывать Ивану на польском престоле никогда! Тебя, кстати, туда еще не зовут?

– Зовут. Вон, письмо лежит. Хочешь – ознакомься.

Внимательно прочитав виленское послание, королева довольно кивнула:

– Вот так и давно бы!

– Думаешь, стоит попытаться? – Магнус скосил глаза, незаметно забираясь ладонью под Машино платье – фламандское, с вырезом и кружевным воротом. Поласкав нежное плечико, Магнус погладил супруге спинку, уж докуда достал – меж лопатками, потом поцеловал шейку, потрогал под платьем грудь...

– Ой, что ты делаешь!

– Тебе не нравится?

– Нравится... А вдруг войдет кто?

– А мы сейчас дверь на засовец закроем...

Вскочив со скамьи, молодой человек проворно задвинул засов и бросился обратно, помогая супруге раздеться. Не столь уж и простое дело, учитывая модный кринолин! Пока все завязки развяжешь – упаришься.

Наконец, справившись со всем этим, Магнус усадил голую женушку на стол и, обхватив бедра, накрыл губами нежные быстро твердеющие сосочки. Маша застонала, закусил губу, и король, чуть отпрянув, принялся покрывать поцелуями ее плоский животик, пупок, лоно... Страстное нарастающее желание охватило обоих, распаленные супруги, наконец, слились воедино – здесь же, прямо на столе, на письмах...

– Ну, ты и срамник, милый, – придя в себя, Машенька взъерошила мужу волосы. – Мы с тобой прямо как римские патриции.

– Вот именно, зайнька моя – мы с тобой...

– Знаешь, я когда-то в девичестве еще прочла про патрициев книжку... по-латыни, конечно же, но таку-у-ую! Как ты иногда говоришь-то? Заниматься любовью? Вот там любовью и занимались, на каждой страничке да по-всякому. Ну... – юная женщина чуть замялась и тут же продолжала с самой томной улыбкой: – Примерно как мы с тобой. А еще: господа со слугой, и – со служанкой, с двумя слугами сразу... Был у нас при дворе один молодой рында, Иоанн потом его казнить велел. Красивый такой парень, молодой. Так я иногда представляла, как будто я – с ним... В животе внизу тягостно становилось, а в лоне – жарко... Стыдно так, но приятно... греховно, ага.

В дверь неожиданно постучали. Было позднее утро, наверное, часов одиннадцать или чуть больше, вполне понятно, что государей уже хотели видеть.

– Подождите, – быстро одеваясь, король проводил взглядом убежавшую в опочивальню жену и улыбнулся. Все ж таки повезло ему с Машенькой! Красивая невероятно, да еще и сексуальная, не в пример прочим. Никакого ханжеского стыда, слава богу, нету – сама ведь призналась, какие интересные книжки в детстве читала.

– Зайнька, тебе служанку прислать?

Разлохмаченная голова Маши показалась из-за двери, синие очи удивленно блеснули:

– Зачем служанка? Нам с тобой и вдвоем хорошо.

– Я в смысле – одеться помочь... Но ход твоих мыслей мне представляется весьма забавным.

Хмыкнув, юная королева захлопнула дверь.

– Войдите, кто там есть, – пригладив волосы, его величество гостеприимно распахнул дверь.

Вошел Анри Труайя, поклонился, придерживая шпагу. Настоящий боевой клинок, не какой-нибудь там придворный, плюс темный испанский костюм с минимумом украшений, но весьма элегантный, черт побери!

– Видно, хотите доложить о ходе расследования убийств, друг мой?

– Скорее о новом убийстве, мой король! На этот раз – в Руийяне.

– Это что хоть такое? – искренне удивился король.

Ответственный за тайные поручения невозмутимо повел плечом:

– Дыра, ваше величество. Замок и небольшой посад, пригород. Правда, недалеко – в семи верстах от Пайде. Впрочем, здесь, в Ливонии, все недалеко. Чай, не Русь!

Последнюю часть фразы Труайя произнес по-русски, с явным новгородским выговором, с цоканьем – не «чай», а «цай»! Магнус давно уже догадывался о происхождении «доблестного нормандского дворянина», однако же не спрашивал старого своего приятеля ни о чем. А зачем? Захочет – расскажет.

– Так что там, в дыре? Снова аптекаря порешили? Или зеркальщика?

– Нет, ни зеркальной мастерской, ни аптеки там нет. На это раз не повезло ученику художника. Их там целая артель – подновляют православный храм. В лесу там, рядом, часовенка, с давних еще времен.

– Артель московская? Виленская? Или еще какая? – быстро уточнил король.

– Псковская, – Труайя потерял кончик левого уса. – В часовню воры ночью забрались, а ученик там ночевал, вот и...

– Надеюсь, убийц вы все же найдете, – недовольно промолвил Магнус.

– Ищем, ваше величество. Поверьте, делаем все.

– Быстрее ищите, – король нахмурился и покачал головой. – Месяц уже почти колупаетесь, а?

– Ваше величество! Всего-то третья неделя пошла.

– Ну, так и что? Ладно, ладно, ищите...

Ливония, все же имела свою специфику, проявлявшуюся и в ходе войны, и во всем прочем. Небольшие расстояния, огромное количество укрепленных городков и замков, всякого рода каменных фортификационных сооружений, строящихся и совершенствующихся веками. Много дорог – и дорог хороших! – убийца (или убийцы) могли запросто затеряться, покинув место преступления как можно быстрее. Нужно было выставлять посты, перекрывать путы дорожки. Впрочем, Анри свое дело знал, в чем его величество не раз уже убеждался, а потому и сейчас ворчал лишь для порядку.

– Та-ак... еще чего плохого в нашем королевстве случилось за последнюю ночь?

– Войска царя Ивана взяли Пернов.

– Взяли-таки? – Магнус покачал головой. – Ну, предлагали же тамошним ратманам к нам. Так нет, на шведов понадеялись. И что, сильно помогли им шведы? Иван Васильевич и Ригу бы взял... кабы не поляки, их ведь Рига теперь.

– Поляков в Риге не жалуют.

– И хорошо! – Арцыбашев всплеснул руками. – А надо еще людишек верных туда послать, и газетку распространить нашу... Чтоб рижане поляков еще больше не жаловали, да чтоб не к шведам хотели, а к нам!

– Сделаем, ваше величество, – Труайя браво выпятил грудь и, по привычке понизив голос, сообщил самое важное, ради которого, собственно, сюда и явился: – Один человек ищет с вами встречи, мой государь.

– Что за человек? – тут же оживился Магнус. – И почему именно со мной? Тебя ему уже недостаточно?

– Нет, мой король. Дело уж больно важное. И доверить его, кроме как вам, никому нельзя. Речь идет о троне...

Его величество разочарованно зевнул и отмахнулся:

– Я даже знаю, о каком! У меня тут писем уже...

– Письма письмами, а тут люди, – возразил Анри. – И люди, судя по всему, серьезные.

– Ну, так давай сюда своего серьезного человека! – Арцыбашев гулко рассмеялся. – Так и быть: примем, выслушаем... Надеюсь, ты его уже привел?

– Ждет на заднем дворе, – покивал француз-новгородец. – Надо бы тайным ходом...

– Хорошо. Проведи.

Представитель «серьезных людей» оказался невзрачным светлослым мужичком в потертом телогрее-кожухе и дешевом шерстяном плаще. Несмотря на непрезентабельный внешний вид, держался мужичок с гонором – сразу видно, шляхтич. И не столь уж и прост, как кажется. Начал сразу же, без всяких предисловий, лишь только отвесил его величеству уважительный низкий поклон:

– Я знаю человека, который может помочь вам получить польскую корону.

– Речь идет о короне Польши и Литвы? – педантично уточнил Магнус.

– Хм, Литва... – визитер презрительно скривился. Ну, точно шляхтич, поляк!

– Что же он сам-то не явился, этот ваш человек? – хитро прищурился Арцыбашев. – Зачем было кого-то посылать? Или он мне заранее не доверяет?

– Доверяет, что вы! – шляхтич яростно сверкнул светлыми, чуть навывкате глазами. – Одному вам, пан круль, и доверяет. Он... очень большой человек и знаком со многими влиятельными людьми. Только сейчас, увы, схвачен и брошен в узилище в Вильне.

– Ах, вон оно что! – не выдержав, рассмеялся король. – Брошен в узилище в Вильне! Интересно, за что его так?

– Шляхта обвинила его в государственной измене, – пояснив, посетитель пригладил усы.

Он назвался пан Вилек Кварский, впрочем, вряд ли это было настоящее имя. Но вот имя того виленского сидельца вряд ли нужно было выдумывать.

– Его зовут Кшиштоф Граевский. Он шляхтич и ясновельможный пан, связанный с таким людьми, которых я затруднюсь и назвать от вящего ко многим почтения, – с удовольствием отпив вина из предложенного кубка, продолжал свой рассказ пан Кварский. – Сего достойного пана взяли в Вильне сразу же из Москвы...

– Ах, из Москвы! – Магнус тут же насторожился. – Вот с этого-то начинать и нужно! А ну-ка поподробнее, многоуважаемый пан!

Собрать сведения о таинственном шляхтиче оказалось не столь уж и сложным. Пана Кшиштофа Граевского в Речи Посполитой знали многие, особенно в Литве. Однажды старый знакомый Граевского по Вильне, некий Антоний с простой английской фамилией Смит, узнав о финансовых затруднениях пана Кшиштофа, предложил тому приобрести за тысячу злотых рубин у одного краковского еврея, а затем – продать рубин в Московии, вернее, обменять на товар – в десять раз дороже. В десять! Дело вроде бы выгодное, только вот Граевский весьма странно его исполнял, зачем-то мотаясь по всем польским и литовским землям, и даже кусок немецких земель захватил. Вильна, Краков, Данциг, Торунь, Мальборк, снова Данциг, потом – в обход Вильны – Полоцк, Москва... Странные вояжи для в общем-то простой финансовой спекуляции. Особенно если учесть, что в Мальборке находился сандомирский воевода Ян Костка – один из претендентов на польский престол!

– Встречались ли они, установить не представилось возможным, – примерно через неделю доложил Труайя. – Тамошние купцы ничего такого не слышали, а посланные в Мальборк люди еще не вернулись. Подождем?

– Нет, – король резко дернул шеей и усмехнулся. – Боюсь, наше долгое выжидание окажется для пана Граевского фатальным. Человек он, я вижу, серьезнее некуда. Что ж, надо вытаскивать бедолагу. У нас есть кто-нибудь в Вильне?

– Сыщем, мой король.

С польской короной следовало спешить. Уже очень скоро период «бескоролья» в Речи Посполитой должен закончиться. Королем изберут семиградского князя трансильванца Стефана Батория. Того самого Батория, который своей хваткой и воинскими успехами принесет много вреда Московии. Именно его проталкивал на престол турецкий султан Мурад, внук знаменитого Сулеймана Кануни – Великолепного. Мурад еще раньше прислал польским панам грамоту с требованием, чтобы поляки не выбрали в короли императора Священной Римской империи Максимилиана II, а выбрали кого-либо из польских вельмож, например Яна Костку, или если короля из других держав, то Батория или шведского королевича Сигизмунда Вазу. Максимилиан Габсбург – явный враг султана, в 1571 году Габсбурги при поддержке Венеции наголову разгромили турецкий флот в битве при Лепанто. Флот, правда, быстро восстановили, но Мурад очень бы не хотел, чтобы Габсбурги пришли к власти еще в Польше!

Иван Грозный тоже не катил: Турция всегда поддерживала своего вассала – крымского хана, того самого, что на «Изюмском шляхе безобразничал». И не только на Изюмском... Три года назад крымский хан Девлет Гирей сжег Москву. Правда, вскоре его войско было разбито русскими воеводами в прах в битве при Молоди... В общем, для султана Иоанн тоже не кандидат. А Магнус – вассал Иоанна...

– С этим Граевским надо обязательно встретиться, мой милый супруг, – выслушав мужа, посоветовала Маша. – Помочь ему бежать и... Сейчас же отправь людей в Вильну!

Король так и сделал, наказав верным агентам в Литве действовать осторожно, но действительно: если не помогут деньги, то пустить в ход другие средства – запугать, шантажировать тюремщиков и судей, либо организовать побег.

Именно побег и организовали, подкупив тюремщиков, на что понадобилось не так уж и много золотых монет. Организовали, доставили, так что уже к концу августа пан Кшиштоф Граевский предстал перед королевской четою Ливонии.

Это был красивый, еще совсем не старый мужчина с аккуратно подстриженными усами и модной «испанской» бородкою, как носили по всей Европе, без различия вероисповеданий. На прием к королю Граевский потребовал от агентов денег на приличный костюм, и, получив таковые, явился на аудиенцию облаченный в шелковые штаны-чулки, парадные лаковые туфли и расшитый жемчугом камзол с большими разрезными буфами. Ну и, конечно же, накрахмаленный воротник – брыжи, – напоминающий небольшой мельничный жернов – куда же без этого?

– Ваше величество, позвольте выразить мою безмерную благодарность и заверить в самом добросердечном почтении к вам и вашей венценосной супруге! Кроме того...

– Давайте ближе к делу, достопочтенный пан, – светски улыбнулся Магнус. – Я буду задавать вопросы, вы – отвечать. Договорились?

Шляхтич поклонился:

– Как будет угодно вашим величествам.

Похоже, он не ожидал встретить на аудиенции еще и королеву и рассчитывал обаять лишь одного короля, и теперь быстренько, на ходу, исправлялся, даже пытался шутить.

– Вы встречались в Москве с важными сановниками царя Иоанна? – переглянувшись с Машей, спросил король.

– Я встречался с самим государем! – пан Кшиштоф горделиво задрал голову. – Иоанн доверил мне передать письмо членам сейма. Чего я, увы, не сделал. Не успел.

– А бояре вас посещали? – тут же уточнила Мария.

Граевский скривился:

– Афанасий Нагой и дьяк Петр Ерш Михайлов. Просили меня передать послание виленскому гетману Яну Ходкевичу...

– И он засадил вас в темницу! – усмехнулась Маша.

– Не он, – шляхтич тряхнул головою, силясь понять, что нужно от него этой красивой и, конечно же, глупенькой девочке-королеве. Бывшей московитке, дикой, как все русские. Правда, сейчас она дикой не выглядела, но... – Интриганы, знаете ли.

– Нагой и Михайлов тоже интриганы те еще, – холодно молвила королева. – Это хорошо, что вы не успели передать письмо Иоанна сейму. Хотя... думаю, оно не слишком бы обрадовало польских дворян.

– Да-да, – Магнус изобразил на лице улыбку и как бы между прочим спросил: – Так что там было, в этом письме?

– Я не вскрывал, но... Думаю, все то, что я советовал русскому государю.

– И что же вы советовали?

– Многое, – шляхтич тоже улыбнулся. – То же, что сейчас посоветую и вам, ваше величество. Буде и вы все же решитесь выставить свою кандидатуру на престол Речи Посполитой!

Советы и впрямь оказались весьма ценными, видно было, что пан Граевский представляет не самого себя, а некую группу знати, о которой он еще должен будет рассказать. Пан Кшиштоф особо обращал внимание на то, что выборность короля необходимо сохранить, но предлагал некое дополнение: «Среди потомков государевых вольно одного избрать, которого все полюбили». Кроме того, в предвыборной борьбе следовало ограничиться только двумя артикулами. В первом говорилось о том, чтобы «новых обычаев не вносить, а в старых не изменять без общего согласия всех сословий», а также «чтобы был один народ во всем между собой равный, одна Речь Посполитая, один совет, одна оборона, один государь, всеми вместе свободно избранный». Магнус сразу понял, что этим самым Граевский пытался сыграть на трепетном отношении шляхты к своим вольностям. Весьма полезным следовало признать совет выбрать место для переговоров там, где «Литвы немного было, а польских и русских панов было бы там больше», чтобы пока ни в коем случае не поднимать вопроса о принадлежности Ливонии и Киева. В вопросе о вере – не торопить событий, а устроить богословский диспут. Главная же идея была в том, что в первую очередь следовало предъявлять не все статьи будущего договора и по спорным вопросам пока соглашаться – только для того, чтобы обеспечить избрание.

– Кто же ваши могущественные покровители, любезный пан Кшиштоф? – наконец поинтересовался король.

Граевский отвечал с пафосом:

– Все те, кто не хотят видеть Польшу и Литву под шведами или турками! Те, кто сражается против татар и... хочет кое в чем обуздать магнатов, магнаты же – шляхту. Отменить в сейме право вето для загоновых!

– Для кого?

– Для совсем уж нищих дворян, – Маша повернулась к супругу. – Магнатов я многих знаю, почти все роды там по крови русские, много православных. Князья Вишневецкие, Острожские, Сапеги – все наши люди. Ненавидят Ивана, но и к папе римскому относятся настороженно.

– А лютеранство?

– Лютеранство в городах. Не во всяких – в приморских. Там, где полно немцев.

Сохранив тайну, пан Кшиштоф не назвал ни одного своего покровителя вслух. Лишь написал несколько имен на бумаге золоченым королевским пером. Прочитав, Магнус округлил глаза, шляхтич же вдруг улыбнулся:

– Позволено ли мне будет преподнести некий подарок ее величеству?

– Позволено, позволено! – весело засмеялась Марьюшка. – Подарки – всегда хорошо. Просто интересно, что вы мне такое подарите?

– А вот! – сунув рук в висевший на поясе кошель, Граевский вытащил оттуда небольшое, но очень изящное зеркальце в золотой оправе с рисунком в виде маленьких золотых зернышек, искусно припаянных друг к другу.

– Зернь! – восхищенно воскликнул Магнус. – Вроде бы как во время монголо-татарского ига сия техника напрочь исчезла. Оказывается, нет...

– И при чем тут монголы? – Маша откровенно любовалась подарком, еще бы – этаким эксклюзив! – И где ж такие чудеса делают? В Вильне?

– Тамошний ювелир, – охотно покивал шляхтич. – И – зеркальщик. Представляете, недавно в Вильне целую зеркальную мастерскую ограбили! Убили двух подмастерьев, хорошо – мастера не тронули, видать побоялись.

– Что вы говорите! – Арцыбашев сразу вспомнил все странные «полицейские» дела с загадочными убийствами. – Подмастерьев, говорите, убили?

- Я лишь передаю слухи, – развел руками визитер. – Подробности же не владею.
- Жаль.
- Пан Граевский, – отложив зеркало, юная королева посмотрела посетителю в глаза. – Вы были в Москве. Что-нибудь знаете о смерти царевича Ивана?
- Болтают разное...
- Нас не интересуют слухи! Что вы лично думаете?
- Думаю, царевич отравлен, – тихо промолвил гость. – Хотя мог и умереть. Мало ли таких внезапных болезней?
- Пневмония, бронхит, грипп, – Магнус цинично ухмыльнулся. – Даже обычное ОРЗ с осложнениями. Антибиотиков нет – ноги промочил, и пожалуйста – на погост!
- Маша быстро пихнула мужа локтем в бок:
- Ну сколько раз говорила? Не рассуждай непонятными словами.
- Пневмония – это, конечно, латынь... – показал свою осведомленность пан Кшиштоф. – А бронхит и грибок... наверное, греческий.

На следующий день Магнус вновь вызвал к себе Анри Труайя и снова имел с ним беседу по поводу убийства аптекарей и зеркальщиков.

– Подготовьте мне список жертв, Анри, – попросил король. – А также и тех, кто остался в живых, кого не тронули.

– Я и так могу это сказать, ваше величество, – Труайя задумался и перечислил все, что было известно: – Почти все убитые – молодые парни, подмастерья, возрастом лет от тринадцати до восемнадцати. Правда, убили и старика аптекаря...

– А он не мог оказаться в аптеке случайно? – быстро перебил король. – Пришли не за ним – за учеником, подмастерьем.

– Может, и так, – француз-новгородец покачал головой. – Только странно все это – кому эти подмастерья нужны?

– Надеюсь, вы уже установили, что связывает меж собой всех убитых?

– Да ничего не связывает! – Анри всплеснул руками. – Все в разных местах жили, знакомы между собой не были. Разве что – возраст...

– Вот-вот – возраст, – покусав губу, Арцыбашев подошел к окну и долго смотрел во двор, после чего обернулся и продолжал: – А может быть, еще и внешность? И что-нибудь другое? Ищите, Анри!

Труайя явился с докладом уже к вечеру. И в самом деле, внешне почти все убитые отроки оказались похожими, словно близнецы-братья. Худые, узколицые, густые темно-русые волосы, карие глаза.

– И еще – всех их наняли недавно, – подумав, дополнил Анри. – Все – не местные, чужаки из других краев. Да-да, чужаки. Немцы!

– Вот видишь?! – Магнус радостно потер руки. – Кажется, мы с тобой напали на след, дорогой Анри. Туше, как говорят у вас, фехтовальщиков! Я даже знаю теперь, как предотвратить очередное убийство... и поймать убийцу.

– Трудновато будет, – признался вельможа. – Пока всех подмастерьев проверишь...

– Но ведь аптек и зеркальных мастерских не так уж и много, мой друг.

Вечером играли в карты. Приехала Сашка – вдовствующая баронесса Александра фон дер Гольц, еще заглянул Михутря и – чуть позже – Анри. Таким вот узким дружеским кружком и сидели. Играли по маленькой, болтали о том о сем, а когда пришел Труайя, Магнус тут же озадачил его вопросом. Все тем же!

– Нет никого похожего, – тихо отозвался Анри. – Ни в мастерских, ни в аптеках. В Оберпалене и окрестностях – нет.

– А кого ищите-то? – отложив карты, Александра вскинула чудные жемчужно-серые очи. – Может, я своих парней дам? Они помогут – ушлые.

– Так у них и своя работа есть – в печатне, – неожиданно расхохотался Михутря. – Силантий, вон, жаловался недавно, будто ты, Александра, подмастерье у него сманила. Сейчас еще и парней заберешь – и кто газеты выпускать будет, а? Один Силантий не справится.

Сашка сверкнула глазами:

– Да никого я не сманивала! Просто сказала парням, что ищу проворного секретаря, грамотного, чтобы знал и немецкий, и польский, и русский. Вот Феденька мне и рассказал про Франца. Ну, парня из печатни. Федя сказал, что тот и сам уже уходить собирался... А ко мне перешел с удовольствием!

– Ну и как?

– Добрый работник, – баронесса довольно улыбнулась. – Грамотей, языки знает. И, знаете, немного чудной.

– Что значит чудной? – тут же уточнил Магнус.

– Ну, такой... странный, – Сашка несколько замялась и шмыгнула носом. – Третьего дня волосы хной покрасил – рыжий теперь. А сам в замке сидит сиднем, никуда не вылезает, хотя я его не неволю и взаперти не держу.

Труайя и король переглянулись.

– А про прошлую жизнь ты своего секретаря не расспрашивала? – быстро спросил Магнус. – Откуда он русский знает?

– Говорит, в Нарве от новгородских купцов научился, – баронесса неожиданно насторожилась. – Врет! Не цокает он по новгородскому, а по-московски акает. И такие словеса знает, что только в Москве и говорят. Жил он там – точно!

– Так-так, – тихо протянул Анри. – Так-так...

Франца допросили прямо в Сашкином – теперь уж и по бумагам Сашкином! – замке. Трясущийся от страха подросток, увидев перед собой короля, со слезами повалился в ноги.

– Не реви! – гулко прикрикнул Магнус, указывая на невысокую скамеечку у самой стены. – Садись, вон.

– Ваше величество-о-о...

– Анри, подними его!

– А ну, живо, парень!

Вздернув отрока за плечи, Труайя силой усадил его на скамью и похлопал ладонью по щекам:

– Сказано тебе – не реветь!

– П-прошу п-простить, – заикаясь от страха, подросток все же утер слезы и сопли. – Я... я ничего такого не делал...

– Ты боишься, – утвердительно молвил король. – И боишься не нас! Кого? Говори! Живо!

– Они нашли меня, – подняв голову, Франц сверкнул глазами. – Те страшные люди из Москвы... Я узнал их, узнал! Они крутились возле печатни, расспрашивали. Главный – Акинфий Белоус, приказчик московский. Не только приказчик, он на всё готов, на всё способен. Я узнал, узнал: борода черная, кудлатая, взгляд как у оборотня – злой! Посмотрит – словно огнем жжет. Я, как его чрез окно увидал, сразу бежать собрался... Но вот госпожа фон дер Гольц в замок взяла. Сюда-то они не доберутся!

– Понятно, – внимательно выслушав мальчишку, Магнус задумчиво скривился и спросил главное: – Теперь скажи, почему они тебя ищут? Почему хотят убить?

Заметив смятение, мелькнувшее в карих глазах отрока, его величество повысил голос:

– Рассказывай все без утайки! Только тогда мы сможем тебе помочь.

Заикаясь, Франц рассказал всё. Или почти всё. По крайней мере, Арцыбашеву стало более-менее понятно и с убийствами подмастерьев, и кое с чем еще.

Юный Франц родился и вырос в Нарве, в семье приказчика из Мекленбурга. Родители умерли от чумы – в те времена почти треть населения Прибалтики вымерла. Оставшись один, мальчишка мыкался по родственникам и знакомым, а затем встретил богатого купца – доброго знакомого отца, с ним и подался в Московию, где купец порекомендовал его немцу-аптекарю по имени Иоганн Гетфильд. Герр Иоганн держал в немецкой слободе аптеку, услугами которой пользовались весьма влиятельные люди: дьяки, подьячие, думные дворяне, даже некоторые бояре и московские служилые чины.

Московский приказчик Акинфий Белоус – так он представился – впервые заглянул в аптеку где-то в конце июня, а потом заходил еще несколько раз. Покупал сулему – ртутное вещество, посредством которого выводили веснушки и лечили разного рода интересные болезни, заводящиеся от плотской любви.

– Это яд вообще-то, – понемногу приходя в себя, пояснил Франц. – Соединение ртути. Еще сулему в амальгамах используют... ну, для зеркал. И в шляпных мастерских – для фетра.

– Так этот приказчик, стало быть, веснушки решил вывести? – король перешел на русский.

Мальчишка отозвался на том же языке, довольно правильно, лишь с забавным акцентом:

– Не, веснушек у него не было. Да и сулему, сказал, не для себя берет – для брата. Дескать, тот подцепил что-то от гулящих девок, а уж таких на Москве множество. А потом, июля месяца тридцатого числа, Акинфий убил моего хозяина, герра Иоганна! Просто где-то под вечер зашел в аптеку и убил. Зарезал ножом, словно курицу! Ловко так... умело.

– А ты откуда знаешь, что именно он? – удивился Магнус.

– Я ж видел все! – подросток дернулся. – С утра еще хозяин послал меня на рынок за лечебными травами, там один мужик из крестьян ими торгует. Ну, вот я и пошел – а торговли-то в этот день и не было! Зато народищу-у-у! И стрельцы кругом, и глашатаи. Царевич Иоанн умер, вот о горе таком народу и объявили – отчего я и число-то запомнил. На всех улицах – разезды да стражи пешие, я припозднился. Чуть раньше вернулся бы – и сам с хозяином своим лег кинжалом пронзенный. А так... Только дверь открыл – хорошо, петли недавно барсучьим салом смазали, неслышно было, как и вошел... Заглянул, а там трое! И один – Акинфий, приказчик. И в руке его кинжал окровавленный, а герр Иоганн на пол упал, и в груди, под самым сердцем, рана. Оглянулись все трое ко мне – а глазищи-то стра-шные! Я ноги в руки – и бежать. Акинфий со своими по пятам шли, да не догнали. А я – к купцам нарвским, с ними домой добрался... И там, в Нарве, вдруг случайно увидел Акинфия!

Отпустив Франца, Магнус и его доверенное лицо принялись строить догадки – что бы все это значило? С одной стороны, могло иметь место и обычное ограбление. Злодеи просто-напросто воспользовались суматохой, возникшей в городе после объявления о смерти царевича Иоанна, а к аптеке, верно, присматривались давно. С другой стороны, тогда возникает вопрос: зачем они столь упорно преследовали помощника аптекаря, случайно оставшегося в живых? Заметали следы? Хм... Ладно бы в Москве отыскали парнишку да, не говоря худого слова, убили, но чтоб тащиться за ним в Нарву и дальше – по всей Ливонии? Для этого нужно было иметь о-очень веские основания, а значит, тривиальным ограблением тут и не пахло. Тем более беглого отрока не просто искали – убивали всех, похожих на него. Так, походя, на всякий случай. Похоже, ставка была высока!

– Ну? – король посмотрел на своего верного помощника во всех тайных делах.

– Я думаю то же, что и ты, государь, – Труайя приложил руку к сердцу. – Этот приказчик как-то связан с загадочной смертью царевича! Думаю, он его и убил. Конечно, не сам по себе – по чьему-то приказу.

– Понятно, что по приказу, – покачал головой Леонид. – Интересно, кто б мог царевича заказать? Кому выгодно было?

– Да много кому, – сановник пожал плечами. – Шведскому королю, литовскому и польскому сейму... а может, и иным московским князьям. Думаю, они не только царевича отравили, но намеревались убить и самого государя. Да не вышло! Что-то пошло не так, вот и бросились следы заметать, аж до Ливонии добрались! А что делать? Крутой нрав Иоанна хорошо известен.

Ловить отравителей решили на живца. Прямо здесь, в замке. Логично рассуждая, Арцыбашев прекрасно понимал, как злодеи будут действовать дальше. Первым делом, конечно же, попытаются установить, куда делся Франц из печатни. Если уже не установили – это ведь никакая не тайна. Значит, именно в замке фон дер Гольцев и стоило их ждать.

– Чужаки в замке не появятся! – обломил друзей юная баронесса Сашка. – Просто не смогут. Подъемный мост у меня, ворота, стража верная – все как у людей. Ну как проникнуть-то?

– Очень просто – подкупить стражу, – Анри громко расхохотался. – Серебро и золото совершают чудеса. За добрую сумму отрока из замка вынесут наготове, в мешке. Запросто! А вот убивать парня в замке я б, на их месте, не стал – потому как труп куда девать прикажете? Разве что в ров – так ведь заметить могут.

– Мешок тоже заметят, – усмехнулась Александра. – А ночью ворота без моего приказа запрещено отворять. Не-ет, чужим в замок не проникнуть, а свои – побоятся. Тут ведь все друг за другом следят. Покойный барон так устроил. Раньше ему обо всем доносили, теперь – мне. Отравители... ишь ты! Я б, ваше величество, о кухне дворцовой побеспокоилась. Врагов у вас больно уж много.

О кухне Арцыбашев побеспокоился давно, точнее сказать, не он сам, а Маша. В королевском замке за слугами, стараниями того же Анри Труайя, следили весьма тщательно, а уж за кухней – особо. Уж такой век на дворе стоял – отравительский.

– На живца – идея хорошая, – уже на обратном пути, сидя в королевской повозке, одобритительно покивал Труайя. – Я вот думаю, не только убийц на него ловить, но и возможных отравителей. Это плохо, что у нас во дворце все так строго.

– Чем плохо-то? – Магнус усмехнулся, искоса поглядывая в окно. – К тому же ты сам такую строгость и ввел.

– Думаю, государь, если кто тебя отравить попытается, все одно непременно кого-нибудь в помощники да найдет. Так лучше бы, чтоб злодеи на наших людей вышли. Кому-нибудь из поварских помощников надобно все разъяснить да жалованье тайно прибавить. Я бы подумал, кому. Могу ли?

– Делай, как знаешь.

Махнув рукой, король вновь посмотрел на мелькавшие за окном кареты поля, луга, перелески. От замка в Оберпален шла хорошая мощеная дорога, так что повозка почти не подпрыгивала на ухабах, и в пути можно было спокойно поговорить, не опасаясь прикусить язык или сломать зубы.

* * *

В начале сентября в замке юной баронессы собирали оброк и арендную плату за землю, в основном продуктами. На просторном дворе разгружали объемистые крестьянские возы,

становилось необычайнолюдно, везде звучали голоса – кто-то ругался, кто-то шутил, шумно обменивались последними новостями.

Кибитка хуторянина Эйнара Копны выехала с хутора довольно рано, почти сразу с рассветом. Этим летом у Эйнара сильно увеличилось коровье стадо, своей собственной земли уже не хватало, пришлось арендовать у баронессы Александры заливной луг, за который пришла теперь пора расплачиваться, слава богу, не деньгами – договорились на сыр да на масло. Их теперь хуторян и вез, по дороге прикидывая, насколько дороже вышло бы деньгами. Пожалуй, раза в два! Ну, если и не два, то в полтора точно. Просто юной баронессе очень нравился сыр, именно тот, что делали на хуторе дядьки Копны. Что ж...

Проходящая меж высоких сосен дорога обогнула овраг и резко свернула к югу мимо дубравы, на опушке которой хуторянин заметил неизвестно откуда взявшегося мужика. Не высокого, но и не низкого, лет тридцати, с вислыми сивыми усами и одетого как обычно одеваются городские приказчики и зажиточные хуторяне: камзол, конечно, не как у господ, но что-то вроде – даже рукава с буфами, но накрахмаленного воротника, конечно, нет, зато пояс какой! Ах, какой пояс! Эйнар и сам не отказался бы от такого – из хорошо выделанной кожи, с серебряными нашлепками, щегольской. Пояс, не кушак – на него много чего повесить можно: и кошель, и ложку, и ножик, огниво даже. Интересно, где выделывают такие пояса? Не иначе как в Нарве или даже в Пярну, или в самом Ревеле!

– Эй, дядько, не подвезешь ли до города?

Незнакомец спросил по-немецки, хотя выглядел как обычный сосед и, верно, должен был знать и язык местных эстов. Но вот почему-то не знал. Впрочем, это не насторожило Копну – хотя должно было насторожить, хуторян отличался подозрительностью, только вот нынче пояс его отвлек.

– До города, говоришь? Так я в замок.

Дядько Эйнар Копна нарочно ответил на своем родном языке – языке южных эстов. Незнакомец должен был бы его понять, хоть и относился к тем самовлюбленным типам, что корчили из себя немцев и не уважали собственную родную речь.

Так понял или нет?

– Говорю, в замок еду...

Больше дядько Эйнар не успел ничего сказать: вылетевшая из придорожных кустов стрела пронзила ему грудь под самым сердцем! Кулем повалившись в телегу, хуторянин дернулся и застыл, уставив невидящие белесые глаза в столь же белесое, затянутое облаками небо.

– Ну, вот и славно, – выйдя из кустов, здоровенный темноглазый мужик в морской кожаной шапке забросил за спину добрый тисовый лук и, толкнув мертвое тело рукою, довольно пригладил могучей дланью черную кудлатую бороду: – Отошла душенька, отлетела. Давай-ка его в кусты, Дементий.

Сивоусый Дементий, кивнув, ухватил убитого за ноги. Вдвоем злодеи легко спрятали труп в кустах и взгромоздились в телегу.

– Сыром пахнет, ага, – втянув ноздрями воздух, Дементий засунул руку под прикрывавшую телегу рогожку. – Точно – сыр! Поедим, Акинфий Иваныч?

– Не поедем, а поедем! – взяв в руки вожжи, чернобородый подогнал запряженную в телегу кобылку. – Н-но, милая, н-но!

– Быстро мы нынче управились, – подхалимским тоном промолвил примостившийся на краю кибитки Дементий. – Ловко ты, Акинфий Иваныч...

– Мы-то быстро, – Акинфий почмокал губами, словно раздумывал: может, и вправду попробовать сыр? От воза-то, чай, не убудет! – Мы-то быстро... Интересно, успел ли Ганс девчонку найти? Управился ли?

Последнюю часть фразы чернобородый произнес по-немецки, хотя до того беседа шла на русском языке, в той его версии, что использовалась в Великом княжестве Литовском.

– Управился, – ухмыльнулся усач. – Ганс да не управится с девками? Любую соблазнит, только волю дай. А гулящих нынче тут много – маркитантки, мать их дери.

– Да уж, кому война, кому мать родна – так ведь говорят в Московии. Ганс за дубравой должен ждать?

– Да, за дубравой.

Акинфий подогнал лошадь, и грузенный плетеными корзинами с сыром и маслом воз тяжело покотился по узкой лесной дорожке. Вокруг густо росли папоротники, краснотал и бредина, тянулись к небу высоченные липы, пахло можжевельником, грибами и сладким клевером. Воздух стоял такой густой и тягучий, что казалось, его можно пить. Да что там пить – есть, хлебать ложками! Медвяной запах трав плыл над показавшимся за дубравой лугом, покачивался в орешнике меж ветвей и уже наливавшихся первым молочным соком плодов – орехов.

Как раз под кустом стояли двое, шелкали орехи да о чем-то, смеясь, болтали. Длинный молодой парень с рыжеватым шевелюрою и голубыми сияющими глазами был явно из тех, что так нравятся женщинам, особенно не сильно избалованным любовными ласками вдовушкам и всем таким прочим. К коим явно не относилась собеседница парня: судя по виду, оторва еще та! Невысокая, стройная, с упругой грудью и смазливый личиком, она так высоко задрала юбку, что стали видны коленки.

– Вот видишь, славный Ганс, какой у меня синяк? А всего-то через овраг перебралась. Ну, где твои друзья? Что-то они запаздывают.

– Да вон, похоже, они. Едут! – всмотревшись в показавшуюся из-за дубравы кибитку, Ганс, видно, узнал седоков и поспешно замахал рукою: – Эгей, эй! Мы здесь! Здесь мы...

Воз послушно свернул к орешнику, покотился, сминая колесами заросли пастушьей сумки и высокие стебли таволги.

– Вона вы где! – пригладив бороду, усмехнулся Акинфий. – А мы вас у дубравы высматривали.

– Так тут орехи!

– Орехи... Ладно, дружище Ганс. Давай, знакомь со своей дамой.

Дама оказалась понятливой. И довольно алчной. Не глядя, запросила за услуги талер!

– Талер? – изумился Дементий. – Столько добрый воин иногда и за месяц только получит! А тебе тут работы – с час.

– Дадим, дадим талер, – Акинфий успокаивающе покивал и вытащил из сумы серебряную монету. – На вот, дама, бери. Тебя как звать-то?

– Марго.

Попробовав талер на зуб, девушка проворно спрятала его куда-то под юбку и с готовностью облизнула губы:

– Ну, что, господа мои? Мне юбку сразу снимать?

– Постой, – хмыкнув, старшой улыбнулся в бороду. – Не так быстро, фройляйн. Видишь ли, мы сейчас поедем в замок. Так там, в замке, есть один нужный нам человек. Совсем еще молодой мальчик...

– И его я должна ублажить, – маркитантка оказалась очень даже понятливой. – Прямо там, в замке? Надеюсь, там найдутся укромные местечки.

– В кибитку его завлеку, там все и сладь, – хмуро пояснил Акинфий.

– Уж не извольте беспокоиться, завлеку, – Марго вдруг улыбнулась самой обворожительной улыбкою, которой никто сейчас от нее не ждал. Светло-голубые глаза ее искрились, пухлые розовые губки казались вырезанными из коралла... или сердолика самой высокой пробы. Красавица! Как есть красавица. Кто же откажется от такой? Уж точно не подросток.

– Мы знаем, ему именно такие, как ты, и нравятся, – ухмыльнулся Акинфий. – Стройные светлоглазые брюнетки. Так что уж не подведи.

– Сказала уже! – девчонка шмыгнула носом и с хитрецей взглянула на мужиков. – Вы то сами не того? Не будете?

– Некогда, – сказал как отрезал старшой. – Все, залезай – поехали. Некогда тут лясы точить.

* * *

– Десять, одиннадцать... дюжина! – исполняющий обязанности фогта бывший паж Эрих фон Ландзее тщательно пересчитал аккуратно сложенные в корзину крупные, в серую крапинку, яйца и, обернувшись, бросил Францу: – Все, можно. Записывай.

Мальчишка аккуратно внес в оброчную грамоту дюжину гусиных яиц от Антса.

– Ну, что тут у вас? Теленок? Это кто – телочка или бычок?

Узнать ответ Эрих не успел: на опоясывающей главную башню террасе вдруг показалась Александра. В зеленом, с отливом, платье с кринолином и буфами, с модным накрахмаленным воротником, похожим на небольшой мельничный жернов, юная вдовушка казалось живым олицетворением всех мыслимых дворянских добродетелей. Серые глаза ее взирали на происходящее во дворе спокойно и строго, лишь легкая улыбка тронула лицо при виде Эриха. И паж, словно бы почувствовав, что на него смотрят, резко обернулся.

– Заходите в залу, Эрих, – помахав рукой, крикнула баронесса. – Ну, заходите же!

– Но я еще не все...

– Франц все примет по описи, – юная вдовушка засмеялась. – Он сможет, он умный. А я ему потом заплачу отдельно. А, Франц?

– Что вы сказали, госпожа? – парнишка тоже обернулся и, посмотрев вверх, улыбнулся. Ибо при виде красавицы баронессы обычно улыбались все, исключая разве что совсем уж откровенных женоненавистников и подлецов.

– Закончишь все сам, Франц? Мне Эрих нужен.

– Ну да, ну да. Закончу.

Охотно кивнув, Франц вернулся к возам:

– Та-ак... Значит, это у вас – бычок. Нетель.

Эрих фон Ландзее вбежал в башню на крыльях любви – ну как же еще можно было назвать то светлое и томительно радостное чувство, охватившее его еще при жизни старого барона! То, что испытывал юный паж к своей сеньоре, так и называлось – любовь. Юноша любил Александру фон дер Гольц тайно и был счастлив уже и этим. Однако все изменилось после смерти барона... и особенно после того, как Эрих помог своей возлюбленной бежать и, королевской волею, обрести доброе имя.

– Ах, милый Эрих... – едва юный рыцарь вошел, а точнее сказать, ворвался в залу, баронесса бросилась ему на шею и, одарив поцелуем, увлекла за собой в покои.

Его величество ведь просил отвлечь Эриха, так почему бы это не сделать? Так, чтобы приятно было и самой. Немножко поиграть в любовь, ведь Эрих фон Ландзее – такой милый мальчик!

– У меня что-то чешется под левой лопаткой, – Сашка вовсе не стала придумывать каких-то изысканных оболещений. Вполне хватило и обычных, деревенских. – Ты б посмотрел, а?

– Где?

– Ну, вот... Развяжи ленточки...

Честно сказать, стягивающие лиф платья шелковые шнурочки уже были давно ослаблены Сашкой, осталось только потянуть, и...

Эрих и потянул. И восхищенно замер, узрев пред собой оголившуюся спинку баронессы! Белую, с такой нежною шелковистою кожей и трогательными веснушками на плечах... Не удержавшись, юноша погладил плечико своей юной пассии, потом робко поцеловал ее в шею.

Александра фон дер Гольц резко обернулась, уже нагая до пояса – осталось сбросить лишь кринолин.

– О, госпожа моя...

Эрих не верил своему счастью.

– Иди сюда, мой рыцарь, – томно облизав губы, прошептала баронесса. – Иди...

Между тем внизу, во дворе замка, помощник фогта Франц заканчивал приемку оброка.

– Девять локтей полотна... Что так мало-то?

– Лен плоховато уродился, господин. А я еще бобровыми шкурками добавлю. Вот, вместо пяти – полдюжины!

– Ладно. Пусть будут шкурки.

Наконец остался уже один воз – кибитка. Хозяйка ее, молоденькая смазливая хуторянка, вдруг улыбнулась обворожительно и маняще и так стрельнула глазками, что у парня захолонуло сердце. Стройенькая брюнетка с голубыми глазами... такая, как в сладостных детских мечтах.

– Меня зовут Марго, молодой господин. Я с дальнего хутора.

– С какого именно?

– А вас как зовут?

– Франц. Так с какого же?

– Жарко сегодня, милый Франц... Ведь правда?

Жарко, вообще-то, не было. Наоборот, все небо с утра затянула какая-то белесая хмарь, а с реки явственно тянуло холодом.

Тем не менее ушлую хуторянку это, похоже, ничуть не смущало. Распахнув черный бархатный жилет, она вытащила из-за пояса веер, томно обмахнулась... и, неловко уронив веер к ногам, наклонилась – так, что взгляд Франца невольно попал в разрез белой льняной сорочки. Весьма глубокий разрез, ничего по сути не скрывший.

Ах, какая у этой девчонки кожа! Золотисто-смуглявая и, верно, шелковистая наощупь... Франц даже покраснел. Видя такое дело, Марго еще подлила масла в огонь:

– Отец впервые отправил меня в замок одну. Я так волнуюсь, так волнуюсь... Послушайте, как бьется сердце!

Схватив потную ладонь юноши, Марго приложила ее к своей груди. Нащупав крепнувший сосок, Франц закусил губу.

– А хотите квасу? – томно, в самое ухо, прошептала девушка. – У меня есть... там, в повозке... Пошли.

Не дожидаясь ответа, гулящая схватила парня за руку, увлекая за собою в кибитку. Франц шел как будто во сне – шагал как тот теленок... или нетель.

– Вот сюда поднимайтесь, мой господин... Ага! Я сейчас опущу полог. Во-от...

– Зачем же полог-то... Ой...

Франц напряженно застыл, почувствовав у своего горла разящее острие кинжала!

– Поклон тебе, парень, от герра Иоганна Гетфильда. Аптекаря из Москвы, – с насмешкою произнес чей-то грубый голос.

– Так герр Иоганн жив? – искренне обрадовался мальчишка. – А я-то думал...

– Ну, вот мы с тобой и встретились, паренек.

Холодное лезвие уже готово было перерезать несчастному юноше горло, однако помешали снаружи:

– Эй, чья это повозка? А ну, живо убирайте ее со двора!

Луч света ворвался в кибитку – кто-то приподнял полог, заглянул... Человек короля Магнуса! Тот, кого называли Анри Труайя!

– Говорю, убирайтесь, живо! А-а-а, и ты здесь, Франц. Они что же, тебя до города подвезут?

– П-подвезут...

Убравшийся от горла кинжал уперся под лопаткой в спину.

– Ага... ну, пусть подвозят... Франц – беги!

Что было дальше, Франц толком не понял. Рванулся, прыгнул, закричал... Ткань кибитки с треском разорвалась, и воины Анри Труайя поразили злодеев копьями! Правда, не всех, самому главному – Акинфию – удалось уйти. Выпрыгнув из кибитки, он бросился не к воротам, как следовало бы ожидать, а к приставной лестнице, ведущей на крепостную галерею, как поступил бы опытный и хладнокровный воин.

Взобравшись на галерею, Акинфий отбросил лестницу носком сапога, бегом поднялся на стену, встал меж каменными зубцами и, не оглядываясь, бросился вниз, в ров.

– Смотрите, смотрите! – на башне закричали стражники. – Прыгает, ага... Ой!

Труайя, конечно же, послал ко рву воинов, однако было уже поздно – злодею удалось скрыться в густых лесах, начинавшихся невдалеке от замка и тянувшихся до самых псковских земель. Еще двое злодеев оказались ранены, Марго же лишь плакала да говорила, что не виновата ни в чем. Ее просто попросили... наняли... просто доставить удовольствие... вот она и хотела... а они...

* * *

Раненного в руку злодея – назвалса он Дементием – перевязали и увезли в Оберпален, где поместили в подвальное узилище под угловой башней выстроенного еще крестносцами замка, нынешней резиденции короля. Приближался праздник – день урожая и день святых Флора и Лавра, почитаемых как католиками, так и православными жителями Ливонии.

Флор и Лавр при жизни был каменотесами, однако же их праздник почитался как лошадиный день, особо отмечали его те, кто хоть как-нибудь был связан с лошадьми: кузнецы-подковщики, мастера по конской сбруе, конюхи... ну и всадники, само собой, а всадниками в то время были почти все – другого-то транспорта не имелось!

Уже с утра по городку и окрестностям ездили повозки, запряженные лошадьми, в гривы которых вплели разноцветные ленточки. Катали всех желающих: взрослых – за небольшую денежку, детей же бесплатно, за счет королевской четы. На ратушной площади развернулся рынок, бойко торгующий овощами, фруктами, всякого рода зеленью, дичью, копченой рыбой и всем прочим немудреным, но обильным товаром. Настолько обильным, что весь на узенькой площади не поместился, пришлось организовать еще одно торговое место – недалеко от городских ворот на лугу, заросшем ромашками, васильками и клевером.

Рядом с торговыми рядками, под развесистыми вербами расположились и бочки с пивом, сваренным как раз к празднику. Степенно прогуливающиеся горожане, отправив детишек к устроенным тут же, рядом, качелям, неспешно потягивали пиво из больших деревянных кружек да судачили о том о сем, не забывая выпить за своих достойных правителей – короля Магнуса и королеву Марию.

На лесной опушке неподалеку от торгового места играла музыка: лютня, испанская гитара, флейты. Уже танцевали первые пары, но большая часть горожан пока просто слушала да приглядывалась, все знали – самые танцы начнутся уже ближе к вечеру, когда все накушуются пива, выпьют вина.

Музыка была слышна издалека, и путники, идущие да едущие по лесным дорожкам на праздник, поспешно прибавляли ходу – не опоздать бы! Прибавил и дровосек: потянул нагруженного вязанками хвороста ослика, тот послушно засеменил, кивая большой ушастью головою. Однако же как ни поспешал дровосек, а все же кое-кто шел куда быстрее. Высокий плечистый монах в длинной черной рясе с накинутым на голову капюшоном, перебирая четки, нагнал ослика:

– Бог в помощь работному человеку!

– Благодарствую, святой брат! Не благословите ли? – дровосек, как и многие выходцы из здешних крестьян, оказался католиком. Что ничуть не удивило монаха.

– Благословляю тебя, сыне. На праздник?

– Туда, – дровосек мотнул круглой, как шар, головой, едва не потеряв суконную шапку. По-крестьянски плотный, низенький, он казался весьма энергичным и бойким. – Вот только сначала отвезу хворост, брате...

– Меня зовут... брат Бенедикт, – поспешно представился чернец, сверкнув из-под капюшона черными, глубоко посаженными глазами. Тяжелая, какая-то квадратная челюсть его, с небольшой ямочкой на подбородке, была тщательно, до синевы, выбрита.

– А я Эвальд-дровосек! Меня в Оберпалене каждая собака знает.

– Так и я про тебя слышал, – усмехнулся брат Бенедикт. – Не ты ли в королевский замок хворост носишь?

– Ношу, – Эвальд с гордостью выпятил грудь. – И в замок, и на кухню... и много куда еще, да-а!

– Ты-то мне и нужен, – прошептал про себя монах, снимая с могучего плеча суконную крестьянскую котомку.

– Что-что? – не понял дровосек.

Чернец улыбнулся, нехорошо так, не по-доброму, натужно, словно бы через силу натянул улыбку:

– Говорю, музыка славная! Тарантелла!

– Тара... – Эвальд тоже прислушался.

– Нет, все ж таки – баркарола. Слышите, друг мой – та-та-та... та-та-та...

– Слы...

Отвлекая наивного дровосека вопросом, брат Бенедикт в одно мгновение выхватил из котомки кинжал и с необычайной ловкостью и проворством воткнул его бедолаге под сердце. Несчастный медленно осел наземь, и монах быстренько отволол его в кусты, где и бросил. Сам же, сняв сутану, оказался обычным деревенским молодцом, правда, довольно угрюмым. Узкие серые штаны, стоптанные башмаки, темная суконная куртка с деревянными пуговицами... Подумав, убийца вернулся-таки к трупу и, сняв с его головы шапку, натянул себе на самый лоб.

– Вот теперь хорошо.

Удовлетворенно кивнув, лжемонах подхватил под уздцы ослика и чмокнул губами:

– Ну, что, труженик, пошли... Да ты не переживай, по пути подкормлю, в обиде не будешь. Куплю тебе овса, клянусь Флором и Лавром. Хоть ныне и не твой праздник, а лошадиный, а все же куплю.

Похоже, убийца любил животных куда больше, чем людей. И ослик это почувствовал – забыв про прежнего хозяина, поспешил за новым с чрезвычайной охотой. Даже не закричал свое обычное «и-а-а-а».

* * *

Праздника хотелось всем, и стражникам королевской темницы – ничуть не меньше других. Что же они, не люди, что ли? Всем Флор и Лавр, а им что же? Хоть и не лошади, а все же выпить охота, тем более что начальник всей дворцовой стражи, капитан Альфонс ван дер Гроот, нынче тоже празднует. Да и вообще, день-то сегодня какой? Воскресенье!

– В воскресенье сам Господь отдыхал, а уж мы-то, грешные... – вытянув ноги к камину, начальник караула бравый капрал, усач Людвиг Фирс накинул на плечи плащ и зябко поежился.

Караульное помещение располагалось тоже в подвале, там же, где и темница для разного рода злодеев, которых в те времена имелось с избытком. Не в таком, правда, количестве, как в начале двадцать первого века, но были, были. Впрочем, почти все лиходеи – в отличие от двадцать первого века – хоромы себе не строили, потому как быстро ловились, бились кнутом да вешались, оттого и убытков казне ливонской покуда что не было. Да и экономили, что и говорить, на всем. Вот и на караулке – тоже. Ну, скажите на милость, зачем летом печи да каминны топить? Разве что ночью да в дождь... или вот здесь, в подвалах, где вечный холод да сырость стоит несусветная. Со стен капает, кругом мокрицы ползают. Даже крысы и те ушли, побрезговали. А и правильно – нечего мерзким злодеям условия райские создавать!

Оно, конечно, так, злодеям нечего, однако же в таких же точно условиях и караульная стража обреталась. Не часто, правда – через день на ремень, раз в сутки менялись. Но все же посиди-ка целый день в холоде да в сырости! Живенько ревматизм заработаешь или какой-нибудь, не дай бог, артроз, что в народе отложениями солей называется.

Вот и Людвиг Фирс, хоть и выглядел браво – усищи черные да грудь колесом! – а все же страдал уже: и в спину стреляло, и шея иногда не поворачивалась. Кстати, супруга капрала иначе считала, не от сырости, от вина это! Любил Людвиг выпить, чего уж. Все его соседи об этом знали, да Эвальд-дровосек пропускал иногда в караульне стаканчик-другой.

Из-за сырости да от холода, в мае еще написали караульные челобитную господину капитану. Мол, неплохо бы денег на дровишки и летом подбрасывать, совсем-совсем не худо. Снаружи-то, на улице, оно понятно – тепло, жарко даже, а здесь? Вот уж поистине – не вспотеешь!

Капитан к самому королю пошел. Выделили денежку, дали. Лично Людвиг Фирс самого дешевого дровосека нашел, круглоголового эста Эвальда, что жил на улице Очисток с женой и тремя малолетними детьми. С того времени каждый день привозил дровосек на своем ослике пару вязанок хвороста. А больше и не надо было! Каждый день привозил, а ныне вот что-то запаздывал. Хотя... нет!

Вскинув голову, капрал услышал знакомое цоканье копыт и улыбнулся. Ну, наконец-то! Сейчас хоть согреться да выпить винца...

Вскочив со скамьи, начальник караула самолично отворил дровосеку обитую железом дверь... и озадаченно замер на пороге. Вместо знакомой физиономии Эвальда оказалась другая – вытянутая, с квадратной челюстью, чем-то похожая на лошадиную морду. Незнакомая какая-то морда, не та! Но ослик-то был – тот. И хворост.

Не зная, что и сказать, капрал Фирс просто открыл рот и протянул:

– А-а-а!

– Будьте здоровы, доблестный капрал господин Людвиг Фирс! – ослабилась незнакомец. – Дружок мой старинный, Эвальд-дровосек, велел вам кланяться. Сам-то он с женой и детишками на праздник пошел, а хворост меня попросил отвезти. Так куда сгружать-то?

– Туда, в караулку, неси...

– Ага, ага, сейчас... – сгрузив вязанки к камину, дружок дровосека расправил плечи и снял с плеча котомочку. Улыбнулся, вытащил плетеную из лыка баклажку: – Эвальд вам лично доброго вина прислал. Из уважения, чтоб сильно не ругались. Дескать, сам не явился да бог знает кого прислал... Попросил вас сразу отпробовать, да ежели по вкусу придется, он еще баклажку пришлет.

– Отпробовать, говоришь? – подумав, капрал быстренько вытащил из стоявшего в углу сундука пару стаканов. – А чье вино-то? У кого Эвальд его брал?

– Говорит, у Гирша.

– У Гирша вино доброе, ягодное. Некоторые его, правда, брагой зовут, но по мне, так и брага – вино, верно ведь? Ну, за Флора и Лавра!

Разлив вино по стаканам, караульщик чокнулся и тут же, одним махом, выпил. Крякнув, вытер рукавом усы:

– Эх, хор-рошо! А ты чего не...

Верно, хотел спросить, чего ж это дружок дровосека не пьет, не торопится? Хотел, да не успел. Откинулся бравый капрал на скамеечку, захрапел, заулыбался, довольно пуская слюни. Наверное, уже и сны ему снились. Может быть, красивая и добрая женщина, а может – и лошадь. День уж такой сегодня, лошадиный – святых Флора и Лавра праздник.

Заботливо накрыв спящего плащом, «друг Эвальда» вытащил из котомки рясу и проворно натянул ее на себя, вмиг преобразившись из дровосека в монаха. Вышел, неслышно прикрыв дверь, и, четко печатая шаги, пошел по гулкому, освещенному единственным факелом коридору.

– Стой, кто идет? – немедленно последовал окрик. Выступивший из темноты часовой грозно выставил вперед алебарду.

– Я отец Бенедикт, – перекрестив стражника, улыбнулся монах. – С соизволения его величества явился исповедовать раненого. Того, что привезли из замка фон дер Гольца.

– Исповедовать? – изумленно переспросил караульный. – Так вроде рана у него... Ой! Неужто его... того...

– Да, завтра на площади и казнят по королевскому приказу.

– Вот те на-а... А мы тут и не знали! Вон туда проходи... Погодь, сейчас я засов отодвину.

Без разрешения начальника караула никто с улицы не мог бы сюда зайти никогда. Вот часовой и не парился: раз пришел священник, значит так надо. Тем более дело-то такое...

Лязгнув дверью, монах вошел в узилище, освещаемое дневным светом сквозь узенькое, забранное надежной решеткой оконце под самым потолком.

– Кто здесь брате Дементий? – наскоро прочтя по-латыни молитву, громко осведомился чернец.

В узилище находилось человек десять, кто-то спал, зарывшись с головою в солому, кто-то резался в кости, а какой-то доходяга в дальнем углу – молился.

– Я Дементий!

Монах быстро пошел на голос, уселся рядом:

– Явился утешить тебя, сын мой. Пойдем-ка в уголок...

Прогнав доходягу, священник и злодей расположились в дальнему углу.

– Акинфий, ты! – шепотом обрадовался Дементий. – Вот не узнал, без бороды-то. По голосу только...

– За тобой пришел, брат, – так же шепотом отозвался «монах». – Ночью побег готовлю. Сейчас скажу, как... Пока же я помолюсь, а ты откинься спиной к стене и делай вид, что слушаешь. Патер ностер... Отец наш небесный...

Дементий так и сделал: откинулся, слушая монотонный, какой-то убаюкивающий голос сотоварища, даже чуть было не уснул. Может, и уснул бы, кабы не узкое лезвие стилета, уго-

дившее прямо в сердце. Опытный лиходея Акинфий, незаметно вытащив клинок, ударил снизу вверх, без замаха. Так бьют наемные убийцы в Венеции – брави.

Ударил, убил – никто и не заметил! Не вскрикнул Дементий, как сидел, так и остался сидеть. Лжесвященник же поднялся на ноги:

- Прощай, брат. Мужайся! И вы все, братие...
- Благодарствуем, святой отец.

Лиходей покинул тюрьму, не вызвав никаких подозрений, тем более что начальник караула, braveй капитан Людвиг Фирс, все так же крепко спал. И видел во сне женщин... а может быть, лошадей. Потому как – день Флора и Лавра.

* * *

– Как убит? – вернувшийся к обеду в замок ливонский властелин был вне себя от бешенства. – Как такое вообще могло случиться? Проникнуть в королевскую тюрьму, убить, и вполне свободно выйти обратно! Там что, проходной двор, что ли?

– Разбираемся, ваше величество, – белобрысый богатырь Альфонс ван дер Гроот стоял перед государем пунцовый от стыда и гнева. – Начальника караульной стражи повесим, остальных сошлем на Эзель!

– Начальника караула тоже сослать! – жестко приказал король. – Нечего ему тут, в столицах...

– Понятно, ваше величество. Так что его... там, на Эзеле, повесить?

– Никаких «повесить»! – король хватанул по столу кулаком. – Пусть отработывает!

Кто-то постучался в приемную, вошел.

– А, Анри! – Магнус обернулся с язвительной улыбкой. – Что у нас еще плохого? Бородатого убийцу нашли? Нет? Все еще ищите?

– Он вполне мог и сбрить бороду, мой король, – покусал усы рыцарь плаща и шпаги. – Я б на его месте так и сделал. Кстати, вы слышали уже о монахе-убийце? Или Альфонс не успел рассказать? Я полагаю, это один и тот же человек. По всем дорогам разосланы дозоры, мышьяк не проскользнет!

– Ага, не проскользнет. Даже в тюрьму проскользнула. Ну, блин, работнички...

– И еще я думаю, что мы вот-вот схватим убийцу! – неожиданно похвастал Труайя. – Его люди вышли на помощника повара. Ну, нашего человека, специально мною поставленного. Если хотите, ваше величество, то...

– Да, пусть войдет и доложит все лично, – успокаиваясь, Магнус согласно кивнул. – А вы, Альфонс, свободны пока. Наводите порядок со стражей!

– Слушаюсь, ваше величество! – щелкнув каблуками ботфортов, личный оруженосец короля и начальник дворцовой стражи, суровый голландский молодец Альфонс ван дер Гроот покинул приемную.

Сразу же за ним, по знаку Анри, вошел неприметный парнишка лет двадцати с противным серым лицом мелкого деревенского чиновнички и не по-деревенски хитроватым взглядом.

– Это вот и есть наш человек, – зачем-то пояснил Труайя, хоть и без его слов это было ясно. – Зовут Якоб.

– Ну, рассказывай, Якоб, – король хмыкнул и указал на скамью. – Присаживайся, нечего тут маячить.

Агент робко присел на самый край скамеечки, однако доложил довольно толково и бойко. По приказу начальника по всем тайным делам господина Труайя, третьего дня он – якобы по рекомендациям весьма влиятельных людей – поступил истопником на дворцовую кухню.

В обязанности его входила не только топка печей, но и их чистка, а также и рубка мяса. В свободное от работы время Якоб, как и приказал Труайя, шатался по рынку да по торговым лавками, приценивался, завистливо цокал языком да жаловался на отсутствие денег.

Те, кому надо, его, конечно, заметили. Спешили – уже на следующий день к парню подошел некий обаятельный господин лет тридцати с виду, яркий блондин с небольшою бородкой. Представился смоленским купцом Глебом Коростенем – хожу, мол, присматриваюсь, – угостил Якоба вином. Слов за слово – разговорились, и уже на следующий день стали закадычными друзьями. Тогда-то новый знакомец и открылся Якобу по-настоящему. Дескать, никакой он не смоленский купец, а швед Ларс Грюнберг, даже показал грамоту от шведского короля, и не простую, а с большой желтой печатью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.